
СНЕЖНАЯ СКАЗКА
Няня для двойни
КЭТИ СВИТ

Кэти Свит

Снежная сказка. Няня для двойни

«Литнет»
2024

Свит К.

Снежная сказка. Няня для двойни / К. Свит — «Литнет», 2024

ИСТОРИЯ МИРОНА ОДИНЦОВА "МОРОЗНАЯ СКАЗКА. БЫВШИЙ В ПОДАРОК – Ты говорил, что бесплодный! Откуда у тебя дети? – от шока округляю глаза. – Бесплодной была твоя сестра, – отрезает сурово. – И после лечения стала ты, – жестоко бьет по самому больному. Разворачивается. Смотрит на своих наследников. – Одевайтесь! Мы едем домой, – рявкает строго. – Можно Олю с собой возьмем? – с мольбой во взгляде просит маленькая девочка. – Пап, она будет нашей няней, – решительно заявляет мальчонка. – От другой мы сбежим! – Оля нам будет мамой, – пробивая брешь в сердце говорит малышка. – Оль, – не отрывая от меня пламенного взгляда говорит бывший муж моей сестры. – У тебя нет вариантов.Вытаскивая поздней ночью из сугроба двух замерзших детей, я даже подумать не могла, что они окажутся наследниками единственного мужчины, кого я любила. Того, от чувств к которому сбежала в другой город. Кого пыталась забыть. Только вот ничего у меня не вышло.❤ ЧИТАТЬ ОТДЕЛЬНО МОЖНО! ❤ ХЭ ❤ ПРОШУ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ

© Свит К., 2024
© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1. Оля 5
Глава 2. Оля 7
Глава 3. Оля 9
Глава 4. Оля 11
Глава 5. Даниил 14
Глава 6. Оля 17
Глава 7. Даниил 20
Глава 8. Оля 22
Глава 9. Оля 25
Глава 10. Даня 28
Глава 11. Даня 31
Глава 12. Оля 33
Глава 13. Даня 35
Глава 14. Оля 37
Глава 15. Даня 40
Глава 16. Оля 42
Глава 17. Даня 45
Глава 18. Оля 47
Глава 19. Даниил 50
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Глава 1. Оля

– Привет, сестра! – произношу бодрым голосом, а у самой из-за обиды в глазах стоят слезы.

Сегодня был такой замечательный день! У меня, можно сказать, пятилетие со второго дня рождения. Но вместо праздничного настроения я, понурив голову, ковыляю домой.

Мое руководство, как всегда, все испортило.

– У меня не получится приехать к вам на Новый год, – признаюсь. – Но я постараюсь быть на Рождество. Прости, что подвела. Я знаю, вы на меня рассчитывали.

Шмыгаю носом и тут же жалею об этом. Сегодня просто нереально холодно, я уже не чувствую ни пальцев на руках, ни кончика носа.

– Работа? – понимающе уточняет сестра.

– Угу, – отвечаю, не открывая рта.

Ну холодно. Жуть как.

– Я тебе уже говорила, что на этой работе и этом городе свет клином не сошелся. Ты всегда можешь переехать к нам и вернуться к своей прежней жизни, – Лера, сама того не понимая, поднимает неприятную для меня тему.

– Давай не сегодня, – прошу, понимая, что мое настроение окончательно летит вниз.

Моя сестра права. Если я вернусь в родной город, то смогу наладить жизнь, она станет значительно проще, но это только на первый взгляд.

Я не просто так переехала. У меня были причины, о которых так никому и не решилась рассказать…

– Твое право, – мягко уступает Лера. Она максимально тактична со мной в вопросе переезда, и я очень ей за это благодарна.

– Представляешь, – делюсь с сестрой своими переживаниями. – Моя начальница сегодня заявила, что раз у меня нет ни семьи, ни детей, то я должна остаться на дежурстве тридцать первого декабря. Хочет заставить меня быть в офисе до пяти часов вечера. Одну!

Вот говорю, а сама пыхчу, как паровоз.

– Словно без семьи и детей я не человек, – фыркаю.

На самом деле до боли обидно. Не у каждой есть возможность жить с любимым мужчиной, а про деток я и вовсе молчу.

– А если бы были дети? – довольно скептично уточняет сестренка. – Ты тут же стала человеком.

– Ага. С большой буквы! – фыркаю небрежно, а сама кусаю губы до крови.

Увы… Мне не суждено иметь детей.

– Оль, увольняйся, – не отступает от своего намерения вернуть меня в родной город сестра. – Переезжай. Найдем мы тебе нормальную работу, ты ж знаешь.

– Знаю, – твердо киваю. – Отдам долг и перееду, – обещаю сестре.

В динамике раздается печальный вздох.

– Опять ты за своё… – Лера не скрывает своего недовольства. – Сказала же, забудь про это.

– Нет, – заявляю безапелляционно. Перехожу дорогу, забираюсь на тротуар и едва-едва ловлю равновесие, как нога соскальзывает и я лечу. – Ой, – взвизгиваю, падая. Приземляюсь на попу.

– Что случилось? Оля! – голос Леры доносится откуда-то издалека.

Поворачиваю голову на звук и с ужасом вижу, как мой смартфон замерзает и гаснет.

– Мамочки… – в страхе шепчу.

Надеюсь, у телефона не выдержала мороза батарея и он не сломался. Я бы предпочла вместо покупки нового гаджета добавить денег к своему долгу.

Поскорее бы его закрыть.

Кое-как поднимаюсь на ноги. Отряхиваю отбитую попу, ладонями растираю замерзшее лицо и забираю свой выключенный телефон, который, по сути, превратился в токсичный кирпичик.

Тяжко вздохнув, убираю его в карман.

На улице уже стемнело. В моем районе фонари работают лишь по центральной улице, а во дворах стоит темнота.

Каждый, кто живет здесь, может пройти двор вдоль и поперек с закрытыми глазами, и я не исключение. С наступлением темных ночей, считай, так и хожу.

Лишь изредка, когда на небе нет туч и появляется Луна, можно рассмотреть, что вокруг. За это я люблю зиму, ведь благодаря белоснежному покрову вокруг становится немного светлее.

Погруженная в свои мысли и прокручивая в голове разговор с Лерой, заворачиваю за угол и ныряю в свой темный двор.

Медленно, старательно высматривая границы протоптанной под ногами тропинки, иду вперед. Мне остается совсем немного до подъезда, видеть помогает свет от окон и можно немного расслабиться, как вдруг в темноте у самого дома вижу движение.

Останавливаюсь в тот же миг.

Всматриваюсь вперед, нехорошее предчувствие рождается в груди, и меня окидывает холодом с макушки до пят. В голове сразу же рождается сто тысяч и одно предположение.

Замираю. Дышу через раз.

Пристально наблюдаю за непонятным движением…

Судя по тому, что я вижу, это нечто неопределенной формы идет по сугробам прямо… ко мне.

Силой воли глушу вскрик, он, к сожалению, мне не поможет.

Только бы не собаки… Только бы не собаки…

Я их жуть как боюсь!

Но, судя по высоте и движению, это они… Другого быть просто не может.

– Ой, ешечки-матрешечки, – шепчу осипшим от страха голосом.

Медленно, без резких движений, делаю шаг по направлению к подъезду, но собаки в этот самый момент ускоряются.

А еще они громко пыхтят.

Адреналин заставляет сердце биться чаще, и я ничего не могу с этим поделать. Остается лишь один опрометчивый и глупый вариант – бежать.

Поворачиваюсь, упираюсь ногой в утрамбованное снежное полотно, желая оттолкнуться как можно скорее, делаю глубокий вдох, и в этот самый момент собаки выходят на узкую полоску света.

Воздух выбивает из легких. Это не уличные псы, это.. дети.

Глава 2. Оля

Ни на секунду не отрывая внимания, смотрю на ползущих по сугробам детей. Им тяжело, они выбились из сил, но все равно идут вперед и не сдаются. Я не умею определять возраст, но точно понимаю: эти двое слишком малы для школы.

Значит, в такое позднее время должны быть дома с родителями, а не ползать по сугробам в мороз. Без присмотра.

Только вот рядом с ними никого нет. Они одни.

Мороз пробегает по коже.

Не задумываясь, лезу в снег, добираюсь до детворы и едва ли не за шкирки вытаскиваю на тропинку.

– Вы почему так поздно гуляете? Где ваши родители? – запыхавшись, спрашиваю у запорошенных белой пылью детей. – Почему за вами никто не смотрит?

Тараторю, стряхиваю с курточек снег, отряхиваю шапки и стреляю по сторонам взглядом, ищу взрослых, с кем они были.

Но увы и ах. Кроме нас троих во дворе никого.

Присматриваюсь к деткам чуть более пристально и понимаю, что это мальчик и девочка. Они жмутся друг к другу, как два перепуганных взъерошенных воробушка.

Если бы не суровые обстоятельства, можно было даже поумиляться.

– Мы потерялись, – после небольшого шушуканья выдает мальчишка.

– Потерялись?.. – произношу на выдохе.

Это совсем не хорошо.

На улице холодно, надвигается ночь, и найти адекватного человека, который сможет им помочь, с каждой минутой сложнее. Пятница ведь, народ отдыхает. Деткам повезло, что они встретили меня, а не кого-то другого.

Да та же бабка Маша с первого этажа окрестила их “добрым” словом и выгнала б прочь. Знаю я их.

– С кем вы гуляли? С мамой? – начинаю задавать правильные вопросы. Я не смогу оставить их одних, помогу вернуться домой и только после этого успокоюсь.

Детки одеты хорошо, ухожены, значит их дома любят и ждут. Родители, наверное, места себе не находят!

Ой-ой-ой!

– У нас нет мамы, – надувшись говорит девочка.

Сердце пропускает удар. Это ужасно!

Кому-то нельзя иметь детей, а кто-то, имея, не ценит. Невозможность материнства - моя самая большая боль в этой жизни, и я ничего с этим не сделаю. Увы.

– Мы с няней были, – перебивает сестру мальчонка. – Она оставила нас на площадке, а сама пошла в магазин.

– Так чего вы ушли? Няня, наверное, волнуется, – говорю, а сама пытаюсь воспроизвести в памяти, где в окрестностях есть торговый центр с примыкающими к нему детскими площадками.

Только вот, как ни пытаюсь вспомнить - не могу.

Есть парочка похожих мест, но они довольно далеко. Вряд ли дети смогли пройти по крепкому морозу настолько много.

– Опишите, где в последний раз вы видели няню, – прошу. – Мы с вами туда пойдем и найдем ее, – предлагаю.

Детвора переглядывается. Мальчишка что-то старательно прячет в карман.

Я слежу за ними и стараюсь не напугать, мало ли еще что может случиться.

– Они были где-то здесь! – вдруг с противоположной стороны двора раздаются грозные мужские голоса.

Оборачиваюсь и успеваю в свете Луны разглядеть две фигуры. Судя по всему, нас замечают, потому что мужчины ускоряют шаг и идут прямиком на нас.

Вечер встреч какой-то.

Детки переглядываются, на милых личиках мелькает испуг. Малыши жмутся ко мне, как к родной, а я никак не могу разобраться со своими чувствами.

По логике, нужно отдать детей и забыть про них, вот и все. Но сердце…

Ему не прикажешь.

Глава 3. Оля

– Не с места! – нацелив фонарь в спину одному из ребят, кричит второй.

– Стоять!! – рявкают оба одномоментно.

Громкие грозные голоса полны злости, даже мне становится не по себе. Я даже думать не хочу, что в этот момент испытывают дети!

Не понимая, что происходит, вытаскиваю из сугроба пытающихся там спрятаться детей. Они напуганы до полусмерти.

У девочки то ли от страха, то ли от холода подбородок трясется, а мальчишка…. Сердце разрывается на части, смотря на них.

Нет. Без меня точно не справятся.

Смотрю на стремительно приближающиеся к нам фигуры и узнаю форму. Я даже начинаю улыбаться от облегчения.

– Это полицейские! Они пришли вас домой отвезти, – сообщаю радостную новость.

– Не отдавай нас, – на меня умоляюще смотрят две пары глаз. Дети вот-вот расплачутся, а у меня сердце обливается кровью от жалости.

– Как не отдавать? Это же полицейские, – не понимаю реакции ребят. – Они помогут вам найти родителей. Без них мы не справимся, – пытаюсь им объяснить. – Вы же хотите домой? Правда?

Кивают.

– Ну вот, видите, тогда точно нужно поехать с ними, – показываю на приближающихся мужчин. – Они отвезут домой.

Конечно, сначала детей заберут в участок, а там уж точно разберутся, где их родители и почему дети остались без присмотра.

Зима на дворе! Как можно быть таким беспечным?

Вот почему одним все достается на блюдечке, а вторым…

Так, стоп. Выбрасываю из головы дурацкие мысли.

– Скажи дядям, что ты наша мама, – просит мальчонка и оттопыривает губу, чтобы не разреветься.

– Зачем? Это игра такая? – ничего не понимая, смотрю на прижавшихся друг к другу замерзших детей и понимаю, что на игру не похоже. Дурное предчувствие пробирается под кожу и запускает холодок по спине.

Это ведь всего лишь дети… Вряд ли они могли что-то эдакое натворить, чтобы бояться полицейских.

– Стойте на месте! – на нас надвигаются двое мужчин сурового вида, а детвора в страхе жмется ко мне, как к родной.

Даже через одежду я чувствую их дрожь. Деткам страшно.

– Помоги нам, – стуча зубами от нервного перенапряжения, просит мальчишка.

– Не отдавай, – пищит девочка, обхватив меня за ногу. Она держит так крепко, что конечность начинает неметь.

Мужчины в форме стремительно надвигаются, светят фонариком прямо в глаза. Такое впечатление, будто они намеренно так делают.

Мне приходится поднять руку и прикрыться от света.

– Вы меня слепите, – не поддаваясь накатывающему волнению, высказываю своё недовольство. – Опустите фонарь.

Разве можно этого не понимать?

Но мужчинам плевать. Они широким шагом сокращают расстояние между нами и останавливаются меньше, чем в метре от меня.

– Что вам нужно? – спрашиваю, сохраняя видимость спокойствия. На самом деле я далека от него, сердце так быстро бьется, что того и выскочит из груди.

– Это ваши дети? – спрашивает один из них, светя фонариком прямо в лица перепуганных малышей.

Его поведение и отношение к деткам меня дико бесит. Внутри все кипит.

Да как он вообще смеет?!

– Мои, – не поведя бровью, лгу.

Досматривать меня не имеют права, документы тоже не потребуют, а если привезут в участок, то придется беспокоить Славу Бессонова. Он мигом объяснит полицейским все мои права, и меня выпустят. В этом я даже не сомневаюсь.

Но что-то мне подсказывает, эти мужчины не так просты, как кажутся на первый взгляд. Детки правильно их боятся.

Я защищу малышей. Не отдам непонятным мужчинам!

– Вы что-то хотели? – задаю вопрос таким тоном, словно передо мной не представители закона, а дворники, которые решили отчитать меня за выкинутую не так бумажку.

Если честно, актриса из меня так себе, но тут уж не до выбора. Приходится применять все свои таланты ради спасения чьих-то наследников.

Мужчины видят мою решительность и теряются. Переглядываются, хмурятся, снова слепят фонарем то меня, то детей.

Засунуть бы им этот фонарь в одно место!

– Точно ваши? – хмуро смотрят на меня.

– А чьи? – усмехаюсь. Выходит нервно, почти что на грани истерики, но мне не до анализа сейчас. Надо вытаскивать нас из непонятной заварушки.

Для наглядности приобнимаю мальчишку с девчонкой и всем своим видом показываю, будто я их мать. Надо отдать должное детям, они помогают мне очень активно.

Девочка ластится, мальчик обнимает. Какие ласковые малыши…

Были б у меня такие, я ни за что не оставила их одних на площадке!

Няне надо по пятой точке надавать за поведение и беспечность. Как можно было додуматься бросить детей одних в мороз?

Дурость!

– Я их мать, – продолжаю стоять на своем. – Вам документы показать для того, чтобы удостоверились? – сверлю их разгневанным взглядом.

Мужчины растерянно переглядываются, они явно ничего подобного не ожидали.

– Мамочка, пойдем домой, – говорит мальчишка, заставляя мои брови подлететь вверх.

– Я хочу кушать, – вторит ему девочка.

Вот это артисты…

– Милые, сейчас дяди уйдут и сразу пойдем, – обещаю, ласково обращаясь к деткам. Как только перевожу взгляд на мужчин, так мой голос снова становится серьезным. – У вас ко мне еще вопросы есть? У меня дети замерзли, кушать хотят. Им пора мыться, ужинать и спать, а вы нас задерживаете, – сверлю их нечитаемым взглядом.

Глава 4. Оля

– А пойдемте-ка ко мне домой, – предлагаю деткам. Оставаться на улице все равно нельзя, а там у меня хоть появится время подумать, как быть дальше. – Напою вас чаем, отогрею. Вы, наверное, проголодались?

– Угу, – переглядываясь, синхронно кивают.

– Вот и славно, – стараюсь общаться с ними спокойно, а у самой, того и гляди, улыбка от уха до уха будет.

Держась за руки, мы доходим до подъезда, и пока идем, в груди у меня с каждым шагом становится мучительно тоскливо.

Я никогда не смогу стать мамой. Не смогу вот так нянчить детей.

Печально. И до слез обидно.

Почему одним детки даются без каких-либо проблем, и они их не ценят, а другие, кто очень хочет стать родителем, не могут этого сделать.

– Заходите, – говорю, открывая дверь в квартиру и включаю в коридоре свет. – Вам помочь раздеться или вы сами?

Понятия не имею, в каком возрасте дети умеют одеваться. Все, что касается вопросов материнства, для меня тёмный лес.

Я специально не вникала туда, чтобы лишний раз себя не изводить, а теперь начинаю жалеть.

Вообще не представляю, что делать со своими маленькими гостями.

– Помоги, – с ангельским выражением лица просит малышка.

– Тебе тоже? – уточняю у её брата.

– Ага, – хитро улыбаясь, кивает и он.

Ла-а-адно.

Снимаю мокрые куртки, вешаю их сушить. Штанишки насквозь промокли на коленях и поэтому отправляются следом. Колготки спустя буквально минуту появляются рядом.

Удивительным образом обувь после всех приключений осталась сухой, но, как понимаю, это все из-за специальных застежек.

Прикреплённые при помощи пуговиц силиконовые штучки натянуты на подошву сапожек, и только благодаря им штанины не задрались до колен, когда детки ползли по снегу.

Страшно представить, что было, если б не штрипки.

Смотрю на детей, думаю, как лучше с ними поступить, и вдруг вижу, что они то и дело ставят ножку на ножку. Я всегда так делаю, когда хочу согреться.

– Замерзли? – спрашиваю, присаживаясь перед детьми так, чтобы наши глаза находились на одном уровне.

Трогаю ручки-ножки малышей, и тут же становится дурно.

Холодные.

– Угу, – кивают.

Бросаю взгляд в ванную и размышляю, как правильно поступить. С одной стороны, купать чужих детей не этично, но разве стоит думать об этом сейчас?

Деткам нужно срочно согреться, а то и до пневмонии не далеко.

Меня одолевают смутные сомнения.

– Папа наливает в тазик горячей воды и мы после прогулки греем ножки, – говорит малышка, сама не понимая, какой тяжёлый камень снимает с моей души.

Точно! Я ж могу сделать так же!

– Тогда предлагаю не менять традиции, – с облегчением предлагаю им, доставая тазик. Наливаю в него горячую воду, ставлю на пол. Сажают детвору и с ужасом понимаю, что ни один из имеющихся в доме стульев не подойдет.

У малышей ноги не достают ни до пола, ни до воды.

– Так, – хмурюсь, озираясь по сторонам в поисках решения проблемы. – Нашла! Точно!

Кидаюсь на кухню и приношу оттуда две самые большие кастрюли. Переворачивая, ставлю их на пол, а сверху на каждую кидаю по небольшой декоративной подушке.

Идеально!

– Прошу, – довольная собой, показываю детворе на дизайнерское решение.

Усаживаю своих гостей греть ноги и отправляюсь на кухню. Мне б ещё найти, чем нас всех накормить.

Ставлю греться воду для макарон, из холодильника достаю пачку сосисок и томатную пасту, морковку и кабачок. Пожалуй, что-то да выйдет.

– Лера! Точно! – вспомнив про сестру, подскакиваю на одном месте, словно ужаленная.

Вот кто мне поможет!

Бросая на столешнице недорезанную морковку, несусь в коридор и достаю из куртки телефон, подключаю к зарядке и с замиранием сердца жду, начнет он работать или нет.

Время тянется мучительно медленно, и когда я решаю, что осталась без телефона, то в этот самый момент загорается экран.

Бинго!

От счастья хочется плясать.

Даю смартфону время как следует загрузиться, отправляюсь в ванную и проверяю ребят.

К моему великому удивлению, они сидят в тех же позах, которые были, когда я уходила. Какие замечательные малыши. У Леры с Яром детвора вечно проказничает, они выясняют отношения, то и дело дерутся… Мои же гости на их фоне выглядят вообще идеальными.

Набираю сестру, получаю консультацию по еде, а ещё прошу номер надежного полицейского. Я понятия не имею, кем были мужчины, которых мы встретили на улице, и чем больше анализирую, тем сильнее осознаю, что они кто угодно, только не служители правопорядка.

– Оля, расскажи в точности до мельчайших деталей все, что произошло, – настойчиво требует Ярослав, муж Леры.

Ему невозможно отказать, и поэтому я делюсь подробностями своего вечера.

Волков внимательно слушает, обещает помочь и, не прощаясь, завершает вызов.

– Тетя, я все, – рядом со мной появляется мой маленький гость. – Когда мы будем кушать?

Смотрю на него растерянно и не понимаю, как обычные люди со всем успевают? Оказывается, родителям нужно уметь делать за один раз сразу несколько дел! Теперь в моих глазах любой, у кого больше одного ребенка - герои.

– Ты зачем ходишь с мокрыми ногами? – ахаю. Подхватываю мальчонку на руки и отношу в ванную, ставлю на пушистый ковер, вытираю ноги.

С девочкой делаю то же самое, а затем растерянно смотрю на миниатюрные детские ножки и размышляю, как бы их утеплить.

– Детвора, у нас проблема, – признаюсь малышам. – Вам нужны носки, но нужного размера у меня нет, – задумавшись, кусаю губы.

В голову закладывается лихая мысль.

– Стойте здесь! – строжу пальчиком и выскакиваю из ванны, подхожу к шкафу и достаю оттуда свои носки и самые маленькие из всех имеющихся, футболки.

Возвращаюсь назад, помогаю деткам одеться и, увидев результат, тихонько хихикаю.

Это нечто!

Носки до колен, футболки набекрень. Не дети, а самые настоящие домовята.

– Согрелись? Теперь вам тепло? – спрашиваю и смотрю на них выжидательно.

Кивают.

– Кстати, меня Оля зовут, – представляюсь, поражаясь, что не сделала этого раньше. – А как вас? – пытливо смотрю деткам в глаза.

– Алена, – немного смущенно произносит малышка.

– Ваня, – отвечает мальчонка.

– Аленушка и Иванушка, значит, – улыбаюсь.

– Ага, – довольные, кивают головами.

Раскрасневшиеся щечки, теплые ручки, ножки в носочках… Лепота!

– А теперь кушать, – предлагаю деткам.

– Да!!

Глава 5. Даниил

– Прошу меня извинить, – обращаюсь к сидящим передо мной, жестом прошу тишины. Подчиненные замолкают. – Слушаю, – говорю, принимая вызов и поднимаюсь из-за стола.

Быстрым шагом пересекаю кабинет, выхожу в коридор и закрываю за собой дверь в конференц-зал. Не хочу, чтобы лишние уши слышали мой разговор.

– Даниил Андреевич, я не могу найти Ваню и Алену, – из трубки доносятся еле различимые из-за рева слова.

Напрягаю слух и пытаюсь разобраться в сути проблемы, но сделать это выходит далеко не так просто. А вот как понимаю, то меня окатывает ледяной волной.

– В смысле не можешь найти? – спрашиваю безэмоциональным ровным голосом.

Если прорвется хоть одна эмоция, то я разнесу весь город.

– Они… – всхлип. – А я… – снова всхлип.

Терпение лопается. Я зверею.

– Где. Мои. Дети?! – срываюсь на крик.

Проходящие мимо сотрудники замирают, время не движется. Я вне себя.

– Даниил Андреевич, я не знаю, – захлебываясь слезами, говорит няня моих детей.

Делаю глубокий вдох, крепко сжимаю кулаки, но заставляю себя не потерять рассудок. Если хочу найти детей в кратчайшие сроки, то действовать нужно с холодной головой на плечах.

– Где ты видела их в последний раз? – задаю единственный вопрос, ответ на который имеет значение. Все остальное отходит на второй план.

– На детской площадке, – произносит с пятой попытки.

– Какой именно? – давлю, параллельно продумывая план действия.

Нужно срочно пробить по камерам все направления, в которых они могли пойти. Мне нужно связаться с Мироном, он подключит своих людей в органах, и тогда мы быстро из найдем.

Если ребята потерялись в здании, то это не так страшно. Сейчас в любом развлекательном центре камер понатыкано больше. По крайней мере, детвора будет в тепле.

Сейчас слишком морозно, чтобы долго оставаться на улице.

– Рядом с торговым центром, – всхлипывает девушка, а затем и вовсе начинает рыдать.

– На улице? – уточняю, не веря своим ушам.

Я ж запретил им!

– Да, – выдавливает из себя.

Твою ж мать…

– Кинь мне точную геолокацию, где они были, – рычу низким голосом. – И молись, чтобы я их сегодня нашел.

Не дожидаясь очередной партии дичи, отключаюсь. У меня есть более важные дела, чем выслушивание сокрушений той, кто потеряла моих детей.

– Мир! Помощь нужна, – говорю, без стука влетая в кабинет друга.

– К совещанию не успел подготовиться? – усмехается беззлобно.

Точно! У меня ж сейчас совещание.

– Ир, скажи, что я уехал по срочным делам, – даю указание секретарю Одинцова. – Пусть возвращаются каждый к своей работе.

– Хорошо, Даниил Андреевич, – отвечает приторно-ласковым голосом, от которого тут же начинает тошнить.

Сладкое нужно есть дозированно, а с Ирочкой вышел уже перебор. Видимо, пора заканчивать, пока она не начала рассчитывать на большее.

– Мирон Арсеньевич, я отойду? – уточняет у своего шефа, тот, понимая, что дело не терпит отлагательства, кивает головой.

– Внимательно тебя слушаю, – говорит, становясь совершенно серьезным, юмора и след простыл.

– Алена и Ваня пропали, – озвучиваю проблему.

– Как пропали? – друг на эмоциях подается вперед.

– Вот так, – отрезаю. – Няня их потеряла на детской площадке у торгового цента. Только что звонила, ревет.

– Что они делали на улице в такой мороз?! – тут же вскипает друг.

– Ты у меня спрашиваешь? – рычу на него.

Вместо ответа Мирон ухмыляется, берет ключи от машины, телефон и направляется к выходу из кабинета.

– Идем, – бросает мне.

Спускаемся на первый этаж, выходим на парковку, садимся в машину и, не дожидаясь, пока прогреется двигатель, трогаем с места. Сейчас не до заботы о нем.

Где-то там, на улице мои малыши и от осознания этого внутренности скручивает в тугой комок. Мне еще никогда не было так страшно в этой жизни.

– У тебя есть идеи, куда они могли пойти? – спрашивает Мирон, мча без остановки. Ему плевать с высокой колокольни на красный сигнал светофора. Равно, как и мне.

У Одинцова есть “волшебный” фонарик, который позволяет ему проезжать на красный и не соблюдать правила дорожного движения. Он его использует в самом экстренном случае.

Например, как сейчас.

Моя детвора, вероятнее всего, сейчас на морозе. Им страшно, вокруг множество опасностей, а они еще слишком малы.

– Ни одной, – признаюсь, обнажая свои страхи. – Я понятия не имею, где их искать.

Друг бросает на меня понимающий взгляд, крепче стискивает челюсть и давит на “тапку”. Меня вминает в кресло, так быстро мы летим.

Дорога до торгового центра заняла не больше семи минут, но они мне показались вечностью. Да и ничего удивительного, ведь все мои мысли сейчас лишь про детей.

– Свят, ты камеры посмотрел? – не отрываясь от дороги, Мир разговаривает по громкой связи.

– В процессе, – звучит из динамиков. – Что искать? Можешь сказать конкретнее.

Мир бросает в мою сторону беглый взгляд, мол, объясняй. И я досконально рассказываю все варианты верхней одежды, в которую могут быть одеты мои дети. Благо, на этот сезон я выбирал ее сам.

Кто б знал, что потраченный вечер на покупку курток и комбинезонов может стократно окупиться. Ведь доверь я это нехитрое дело своей помощнице или няне, то сейчас не обладал информацией, и мы лишь отсрочили поиск детей.

– Понял. Ищу, – прилетает короткий ответ. — Будут новости, отзвонюсь.

– До связи, – кидаю в ответ.

Паркуясь у торгового центра, Одинцов завершает вызов, а я размышляю о тех, кого б еще подключить к поиску.

– Мир, дай я Волкову позвоню, у него есть выходы на оперативников, – вдруг вспоминаю про Городилова. – Да и Майоров подключит своих. Хуже не будет.

– Слушай, а это идея, – соглашается со мной. Останавливает машину.

– Тогда я пока пройдусь по округе, посмотрю, может где рядом играют, – озвучиваю свой план. – Как раз поговорю с Яром и Максом.

– А я отправлю своих шерстить по торговому центру и по ближайшим дворам, – подключается Одинцов. – Сам пойду пробью камеры. Мне не откажут, – добавляет с легкой ухмылкой.

Что есть, то есть. Ни один человек, находясь в здравом уме и твердой памяти, не станет спорить с Одинцовым.

Открываем двери, выходим из машины. Синхронно останавливаемся и переглядываемся.

– Удачи нам, брат!

Глава 6. Оля

– Вот и сказке конец, а кто слушал - молодец, – произношу тихим голосом и аккуратно, чтобы не разбудить малышей, закрываю книгу.

Поднимаюсь со стула, бережно укрываю детей, проверяю, удобно ли им лежится на моей кровати и не закрыла ли нос. Поправляю Аленушке волосики, чтобы не щекотали, а у Ванечки распутываю запутавшиеся в рукавах ручки.

На сердце тепло и непривычно трепетно. Я даже представить не могла, что мне когда-то в этой жизни посчастливится уложить спать малышей.

Детки прекрасно поели, выпили по кружке чая и умяли большущую шоколадку, припасенную мною на “черный” день. Не удивительно, что после таких приключений они захотели спать.

Алёнушка и Иванушка едва коснулись головами подушек, как тут же заснули крепким детским сном. Я даже до середины сказки не успела дойти.

Мои сказочные детки. Малыши.

Как жаль, что у вас нет любящей мамы. Будь я на месте нее, ни за что бы вас вот так не отпустила и никаким нянькам не отдала.

Вздыхаю, глушу в зародыше поднимающуюся бурю, ведь в ней нет никакого смысла. Алёна и Ваня чужие дети. Не мои.

Мне приходится пересилить себя, чтобы, убедившись в комфорте малышей, уйти от них. Детки действительно чудесные, я полюбила их с первого взгляда и уже не хочу отпускать.

Но долг есть долг. У детворы есть отец, который места себе не находит.

Значит, настало время его найти и обо всем рассказать.

Находясь в состоянии боевой готовности, а я ведь прекрасно представляю, какую тираду выслушаю от их отца, подхожу к стеллажу, убираю на место книгу сказок и беззвучно закрываю за собой дверь.

Как хорошо, что в этой квартире от предыдущих жильцов осталась наполненная литературой книжная полка, а то пришлось бы искать сказки на телефоне и не факт, что что-то достойное нашла б.

Читать детям с экрана совершенно не то, атмосфера другая. А вот когда берешь книгу, открываешь на нужной странице, любуешься красивыми иллюстрациями и качественным крупным шрифтом, то чувствуешь себя неким волшебником, который открывает для детворы новые, далекие миры.

А какой запах у книг! М-м-м… Сказка!

Я даже не могла подумать, что меня откинет далеко-далеко, в детство, где не было проблем, где вся жизнь была впереди, и я была бесконечно счастливой. У меня были любящие родители и сестры, большие планы на будущее.

Это потом все изменилось и пошло под откос. Моя болезнь стала для всех шоком.

Лишь благодаря Лере, Дане и неимоверному упрямству я смогла сохранить свою жизнь.

Смотрю на мирно спящих малышей, слушаю их размеренное спокойное дыхание и улыбаюсь. Испытываемые мною сейчас чувства не поддаются логическому объяснению, их не передать словами и не объяснить. Их можно только прочувствовать и запомнить.

Потому что больше ничего подобного я не смогу испытать.

Хотя… Может быть отец малышей выслушает мое предложение? Вдруг он заинтересуется?

От пришедшей в голову идеи сердце начинает биться быстрее, и мне становится очень волнительно. Уж больно сильно хочется привести задуманное в жизнь.

Витая в своих мыслях, не замечаю застывшую на губах улыбку. Душа парит.

Захожу на кухню, проверяю телефон и впадаю в ступор от количества пропущенных вызовов. Их, наверное, порядка ста штук.

Ярослав звонил бесконечное количество раз, параллельно с ним еще три незнакомых номера, и это все явно не просто так.

Снимаю блокировку с экрана, набираю Яра, готовлюсь ждать.

Но он и сейчас меня удивляет. Принимает вызов с первого же гудка!

– Оль, ну наконец-то я смог до тебя дозвониться! – говорит на эмоциях.

Разумом понимаю, что-то случилось, и это что-то мне не понравится, но я стискиваю крепче кулаки и продолжаю твердо стоять на ногах.

– Ты нашел отца детей, – скорее констатирую факт, чем спрашиваю.

– Да, – тут же прилетает ответ.

– Кто это? Я его знаю? – интересуюсь, ведь не просто же так без присмотра да к тому же на морозе, остались малые детки. Если я знакома с их отцом, то точно просто так не отдам.

Кто мне даст гарантии, что завтра Алена и Ваня не окажутся на другом конце города в таких же огромных сугробах. Только там не будет меня, и никто не сможет их защитить от неминуемой смерти.

В том, что будет иначе, дико сомневаюсь.

Если отцу плевать на безопасность детей, то я сама могу позаботиться. Например, устроюсь к ним няней. На моей работе все равно и условия, и зарплата так себе.

В офисе хорошо лишь начальнице, она по чайной ложечке у каждого из сотрудников выедает мозг, а вот всем остальным - не очень. Постоянные задержки, лютый стресс и срезание выплат при малейшем недочете.

Очень непростая работа. Я даже не понимаю, как до сих пор не психанула и не уволилась с нее.

– Ярослав, дети очень сильно замерзли. Они были голодными, – озвучиваю свои переживания, а у самой перед глазами стоит страшная картинка, когда я в первый раз увидела малышей.

От предположения их дальнейшей участи становится дико. Если бы я прошла на минуту позже… Или решила б зайти в магазин…

Слезы наворачиваются на глаза.

– Их куртки и штаны промокли насквозь, – продолжаю делиться подробностями. – Яр, это ужасно! Их бросила няня, ты представляешь? На улице. В дикий мороз!

– Знаю, – говорит спокойным ровным голосом, и я в очередной раз поражаюсь выдержке мужа сестры. Волков кремень. И как только Лера с ним живет?

– Может быть ты знаешь, но не понимаешь, – стою на своем. Я сейчас действую импульсивно, поддаюсь эмоциям, но другого, увы, не дано. – Если их отец желает забрать своих детей, то пусть знает, что они уже спят. А еще у меня банально нет для них подходящей одежды, она мокрая и сушится. Понятия не имею, что делать, но детей сейчас не отдам.

Они будут спать в тепле и уюте. В безопасности!

Пусть приезжает утром, там поговорим.

– Оль, – тормозит меня Волков. – Успокойся. Выдохни. Все не так страшно, как кажется.

– Ты серьезно? – хмыкаю горько. – Ой, – прислушиваюсь к тихой мелодии, что льется из коридора. – Подожди, – прошу Ярослава. – Кто-то звонит.

– Это отец твоих найденышей приехал, – комментирует Яр.

– Один или с полицией? – ухмыляюсь. – Надеюсь, если я не открою, он не выломает дверь?

– Оль, не дури, – с легкой ухмылкой говорит Ярослав. – Ты вообще-то его должница, и, можно сказать, сегодня отдала ему весь долг сполна.

Интересно… Я должна лишь двоим людям на этой планете - Лере и Даниилу, больше ни у кого ничего не брала. У Леры есть свои дети, они живут в другом городе, и как выглядят племянники, я знаю хотя бы по фото. А вот Даниил….

Покровский бесплоден. Он был женат на моей средней сестре, та почувствовала свою вседозволенность и потеряла границы, начала творить ужаснейший ужас. Даниилу при разводе пришлось не легко.

Мне и Лере тоже. Мы все пострадали.

Значит, этих двоих отметаем, а дальше…

Дальше-то никого.

– Ярослав, ты меня с кем-то путаешь, – говорю по пути в коридор. – Я обещала отдать долг лишь Лере и Покровскому. Ваши дети у вас дома, а Покровский бездетный. Уж поверь, я знаю о чем говорю.

В динамике раздается смешок, но я не придаю ему значения. Подхожу к двери, смотрю в глазок, вижу стоящего на лестничной клетке мужчину, но не могу разобрать лица.

– Кто там? – спрашиваю достаточно громко, чтобы меня услышали через входную дверь и достаточно тихо, чтобы не потревожить чуткий сон малышей.

– Открывай! – тут же прилетает в ответ грозный рык.

Мурашки пробегают по коже. Вся моя храбрость испаряется в тот же миг.

– Если выживу, то перезвоню, – обещаю Волкову, завершаю вызов.

Собравшись с духом, открываю дверь.

– Проходите, – обращаюсь к нежданному гостю. – Только, пожалуйста, тише. Ваши дети уже спят.

Мужчина переступает порог квартиры, отворачивается, закрывая дверь, а когда он разворачивается и мы встречаемся глазами, то в груди происходит ядерный взрыв.

Глава 7. Даниил

– Оля? – вижу стоящую на пороге квартиры младшую сестру своей бывшей жены и не могу поверить увиденному.

– Даниил? – Оля смотрит на меня во все глаза, моргает несколько раз и встряхивает головой. Видимо, пытается избавиться от наваждения.

Как же я тебя понимаю, Олечка… Сам в точно такой же ситуации.

– Что ты здесь делаешь? – хмурится, заглядывая за мое плечо.

Понятия не имею, кого она там высматривает, но, судя по выражению ее лица, никого хорошего.

– Если ты ищешь Злату, то можешь не беспокоиться, ее здесь нет, – произношу с едкой ухмылкой.

Моя бывшая жена успела испортить жизнь не только мне, но и обеим своим сестрам, довела родителей до развода, а сама в итоге отбывает наказание за похищение человека.

Она так сильно жаждала заполучить доступ к моим счетам, что пошла на крайние меры. Выкрала свою беременную сестру и решила шантажировать этим Олю.

Великое счастье, что все обошлось!

– Мои дети у тебя? – спрашиваю.

Первый шок от неожиданной встречи прошел, и беспокойство о малышах накатывает с новой силой. Внутренности скручивает в бараний рог, стоит только представить своих детей одних на морозе.

Встретить Олю им несказанно повезло.

О том, чем могла обернуться безмозглая выходка уже уволенной няни, даже не хочу думать, иначе я не просто вышвырну ее без выходного пособия, а пущу под статью.

– Твои дети? – ахает Олечка. – Ты ведь бесплоден, – щурится недобро. Намекает на то, что я ее обманул.

В спешке оглядывается назад, смотрит в сторону прикрытой двери в комнату и возвращает внимание мне.

Красивая…

Оля исчезла из моей жизни одним махом. Она не позволила мне объясниться, не дала ни единого шанса рассказать, почему я так жёстко поступил с ней.

Мы не виделись несколько лет, но за это время они лишь похорошела и раскрылась, стала более женственной, а сейчас и вовсе выглядит очень домашней. Такой, которую так и хочется поскорее обнять. Прижать к груди.

Мое сердце снова начинает биться быстрее, и я снова не позволяю ему этого сделать. Чувства к Оле табу для меня.

У нас колоссальная разница в возрасте, я для нее уже слишком старый. В мои тридцать четыре уже совершенно иначе смотришь на жизнь.

Оля молода и прекрасна. У нее впереди замечательная, насыщенная на события, счастливая жизнь. В ней будут взлеты и падения, яркие эмоции и не будет меня.

– Мои, – произношу, держа на коротком поводке свои чувства, если я вновь позволю им вырваться, то могу сломать Оле всю ее жизнь.

Мы уже однажды потеряли голову и последствия были достаточно жесткими, чтобы про них не помнить.

Сдержанно киваю за порог.

– Я зайду? – скорее констатирую факт, чем спрашиваю.

Оля делает шаг назад.

– Д-да, конечно, – тараторит слишком быстро, отступает в сторону и запускает меня в квартиру.

Желая закрыться, плотнее захлопывает полы халата, закутывается в него вплоть до шеи и то и дело теребит поясок. Косится в мою сторону настороженно.

Она удивлена, и я прекрасно понимаю её состояние, сам только-только отошел от первого шока. Поверить в нашу встречу до сих пор не могу.

Так это она спасла моих шалопаев от верной гибели… Теперь я ее должник, видимо. Потому что Олечка сегодняшним вечером спасла целых три жизни за раз.

– Оль, я тебе не лгал, когда объяснял причины, по которым нам не стоит быть вместе, – произношу спокойно и ровно.

– Стоп! – выставляет вперед руки и тем самым жестко пресекает все мои попытки объясниться. – Я не хочу тебя слушать, – заявляет с твердой решимостью во взгляде. – Твои дети спят. Они в безопасности, только очень сильно замерзли и проголодались. Самое лучшее, что ты можешь сейчас сделать для своих детей, как отец, дать им выспаться, – говорит пылко. Оля всем своим видом показывает, что очень переживает за малышей.

Удивительным образом меня трогает ее возмущение, ведь по факту Аленка и Ваня для нее никто, и она не должна переживать за их благополучие. Но, судя по тому, что я вижу, это далеко не так.

– Сильно замерзли? – уточняю.

– Да, – кивает кусая губы. – Дань, они ползли ко мне по сугробам, – говорит еле слышно. По глазам вижу, как тяжело ей даются эти слова. – За ними шли какие-то мужчины в полицейской форме, но это не полицейские.

– Почему ты так решила? – хмурюсь, пытаясь разобраться. Что-то в этой истории не чисто.

Няне было запрещено сегодня выходить с детьми на улицу, но она все равно поперлась. Оставила двух пятилеток без присмотра на площадке, а сама пошла в расположенную в торговом центре аптеку. Вместо этого она заказала себе горячий чай, уселась в кофейне и принялась трындеть по телефону.

Пока мои дети мерзли на улице, эта тварь наслаждалась жизнью и грела свой зад.

Меня снова охватывает ярость, а я только-только ее успокоил. За свою выходку девчонка получит по полной и тратить сейчас на дурочку свой ресурс не собираюсь.

С ней разберусь потом. Никуда не уйдет.

– Мужчины вели себя слишком странно, – продолжает делиться подробностями Оля. – Они были слишком агрессивно настроенными и явно искали двоих одиноких детей. Нам повезло, что у мужчин не было фото Алены и Вани, в противном случае вряд ли нам удалось бы солгать.

– Солгать? – мои брови подлетают наверх. Это, пожалуй, звучит уже интереснее. – Как?

– Мы сказали, что я их мама, – пожимает плечами, как ни в чем ни бывало, а я вижу промелькнувшую боль в красивых глазах.

Горло резко сжимает жутким спазмом, мне даже дышать становится тяжело.

– У тебя очень сообразительные детки, – продолжает, ласково улыбаясь, и даже не понимает, что в этот момент творит со мной. Бросает взгляд в сторону кухни. – Может быть чаю? – предлагает немного суетливо. – Я вкусные конфеты вчера купила, – хихикает. – С коньяком.

– Ну, раз с коньяком, то давай. – Произношу, не отрывая взгляда от милой девушки, что стоит передо мной. Она видит мой взгляд и смущенно краснеет.

Мне приходится приложить неимоверные усилия, чтобы ничего лишнего не сказать.

(Эта история более подробно описана в книге “Наследник. Семья по договору” https://litnet.com/shrt/V98P)

Глава 8. Оля

Покровский у меня в квартире. Это сюрреализм какой-то! Его никогда не должно было здесь быть.

Но он есть.

Сидит на моей кухне, пьет заваренный мною чай и ест купленное мной печенье. Смотрит искоса на меня.

Его взгляд оставляет на коже ожоги, а тело до сих пор помнит горячие прикосновения, хоть с их момента прошло несколько мучительно долгих лет. Я сбежала от возможности случайных встреч, но не смогла заставить замолчать свое сердце.

Которое изнывало от тоски по нему.

Старательно делая вид, будто занята, я изо всех сил стараюсь лишний раз не поворачиваться в сторону своего нежданного гостя. Я избегаю любого контакта с ним, нахожу тысячу и одну причину, чтобы не смотреть Дане в глаза.

– Держи, – достав из микроволновки тарелку с горячими бутербродами, опускаю ее на стол. – Ты, наверное, проголодался, – кивком головы показываю на слишком быстро опустевшую коробку из-под печенья. – БОльшим, к сожалению, накормить не могу. Прости.

Мы с детками все съели, а приготовить новое еще не успела. Я буквально пять минут назад заказала доставку еды.

– Спасибо и на этом, – говорит, снимая с тарелки первую порцию яства и отправляя ее в рот. Кушает.

А я окидываю взглядом кухню и ищу себе еще какое-то срочное занятие, ведь находиться с Покровским в одном помещении сложно. Я слишком остро реагирую на его появление в моей жизни.

– Ты почему не садишься? – интересуется и смотрит на меня в упор.

Словно сам не понимает причину. Ага, как же!

Знает он обо всем слишком хорошо. Даже лучше меня.

– Не хочу, – выпаливаю, не подумав. – Ты слишком близко.

Отворачиваюсь. Не выдерживаю его взгляд.

– Оль, – говорит и замолкает. Отставляет в сторону бутерброд. – Давай поговорим, – предлагает, не скрывая боль.

Делаю резкий глубокий вдох.

– Давай не будем, – прошу. Голос дрожит.

Он даже не представляет, что натворил своим появлением. Я вычеркнула его из жизни, уехала в другой город, начала строить карьеру и сосредоточилась именно на ней. Проработала с психологом все свои проблемы и комплексы, при помощи специалиста наконец-то приняла, что у меня никогда не будет полноценной семьи и детей, я не смогу стать матерью.

Смирилась.

Но нет.

Покровскому нужно было явиться именно в тот момент, когда я стала особенно уязвима и вымотана морально. Когда не могу дать отпор.

– Прошлое должно оставаться в прошлом, – говорю скорее для себя, чем для своего гостя.

Больно от сказанных им тогда мне слов до сих пор.

– Ты лучше ешь, – показываю на тарелку с бутербродами. – И давай решать, как поступим с детьми. У них одежда промокла насквозь, в такой на улицу нельзя. Заболеют.

– Ты сказала, они спят, – уточняет, не отрывая от меня пристального взгляда, от которого, как ни пытаюсь, не могу убежать.

– Да, – отвечаю и отворачиваюсь. Делаю вид, что очень занята.

– Оль, – раздается прямо над ухом.

От неожиданности резко вскидываю голову, со всей силы ударяюсь затылком во что-то, подскакиваю и оборачиваюсь, случайно попадаю локтем во что-то мягкое. Судя по всему, в живот.

– Ешечки-матрешечки, – смотрю на Покровского в тихом ужасе. – Прости пожалуйста, – шепчу, краснея от стыда.

– В-все нормально, – выдавливает из себя.

Даня стоит, скрючившись в три погибели, одной рукой зажимает переносицу, второй облокачивается на столешницу, а из носа тонкой струйкой течет кровь.

Бледнею.

Нужно срочно ему помочь. Нужен холод!

Кидаюсь к холодильнику, открываю морозилку и достаю оттуда замороженный кусок мяса. Спешу к Покровскому, прикладываю холод ему прямо к носу, но кусок выскальзывает у меня из рук и приземляется прямиком Дане на пальцы.

Он округляет глаза. Молчит.

Из глаз брызжут слезы.

– Прости, – прошу его. – Я сейчас все исправлю! – клятвенно заверяю.

Поспешно наклоняюсь за куском мяса, что лежит на плитке, не рассчитав расстояния, сношу головой разделочную доску, и лежащие на ней остатки помидора приземляются прямиком на брюки Даниила. Поскальзываюсь на подтаявшем льду, руки скользят, и я, распластавшись звездочкой, оказываюсь лежа на полу.

Картина маслом, блин.

– Сегодня явно не мой день, – обреченно вздыхаю.

Мне страшно неудобно перед ним. А еще стыдно.

Я боюсь открывать глаза.

– Пожалуй, ты права, – соглашается со мной Даня. – Нарочно такое точно не сделаешь. Сегодня ты превзошла саму себя.

В его голосе лишь смех и юмор, там нет злости и страх немного отступает. Медленно приоткрываю один глаз. Второй. Приподнимаюсь.

– Прости, – прошу, не представляя, как можно все исправить. Мне кажется это нереальным.

Рубашка безвозвратно испорчена, яркие пятна от крови до конца не отстираются с белоснежной ткани, а брюки насквозь промокли от томатного сока. Зернышки помидор приклеились к ткани.

– Куда ж я денусь, – смеется. – У тебя есть ватка? Мне нужно остановить кровь.

– Сейчас, – говорю, пытаясь подняться.

– Давай помогу, – предлагает Даня и протягивает руку. Смотрю на нее с опаской.

– Не боишься? – уточняю нервно. Помощь не принимаю.

– Думаешь, пора начинать? – ухмыляясь, спрашивает у меня.

Не дожидаясь, пока решусь, он молча берет меня за руку и поднимает. Отпускает лишь после того, как я начинаю твердо стоять на ногах.

Мы оказываемся слишком близко друг к другу, я вдыхаю его запах, и у меня начинает кружиться голова.

Мир сужается. Время замедлилось.

Исчезает все, остаемся лишь мы.

Капля крови падает мне на футболку, и я тут же возвращаюсь в реальность.

– Ватка! Точно! – произношу на эмоциях. Делаю шаг назад, едва не ударяюсь поясницей об столешницу.

Покровский успевает поймать меня в самый последний момент.

– Стой, – говорит строгим голосом, не терпящим возражения. – Еще не хватало, чтобы ты покалечилась, – усмехается. – Где аптечка? Я все сделаю сам.

Глава 9. Оля

Даня чувствует себя в моей квартире так, словно он у себя дома, и это удивительным образом бесит меня.

Так и хочется ему сказать что-то такое, чтобы уколоть как можно больнее. Чтобы понял, как сильно был не прав.

Бессонная ночь не проходит бесследно, вместо здравых идей - каша, а голова раскалывается так сильно, что мне так и хочется обхватить ее руками и сжать.

Выпитая таблетка обезболивающего не помогает, и без того дурное настроение становится еще хуже. А утреннее сообщение с ультиматумом от начальницы и вовсе заставляет еле сдерживать слезы.

Она заявила, что уволит меня если я сегодня опоздаю в офис.

А я не успею приехать вовремя! Не выставлять же Покровского и детей из квартиры ни свет, ни заря.

Тем более, мы вчера договорились, что я помогу составить описание тех самых полицейских, которые приставали к Алене и Ване. По лицу Дани было понятно, как важно это для него.

Посадив меня на стул и вручив кружку с ароматным капучино, Покровский, как ни в чем ни бывало, принимается варить для детей кашу. Я, недоумевая, смотрю на него.

– Дань, – спрашиваю, не выдержав. Любопытство всю ночь грызло меня и не давало покоя.

В памяти раз за разом всплывал наш давний разговор.

– Кто для тебя Алена и Ваня? – задаю совершенно бестактный на первый взгляд вопрос.

– Мои дети, – отвечает таким тоном, словно другого и быть не может.

– Ты говорил, что бесплодный! – напоминаю ему его же фразу. Она меня тогда очень сильно ранила, ведь Даня озвучил свое бесплодие, как одну из причин, по которой мы не можем быть вместе.

Его брак со Златкой и осуждение родных с моей стороны ни для него, ни для меня не явились преградой. Родители и без того не принимали должного участия в моей жизни, а вот Лера, напротив, была бы только рада, будь мы с Даней вместе. Она сама об этом говорила несколько раз.

– Откуда у тебя дети? – от шока округляю глаза.

– Бесплодной была твоя сестра, – отрезает сурово.

В этот самый момент между нами вновь вырастает пятиметровая ледяная стена, которую, как ни старайся, не разобьешь и не растопишь. Покровский отдаляется от меня.

– И после лечения стала ты, – жестоко бьет по самому больному.

Я ахаю.

Прижимаю руки к груди, пытаюсь унять кровоточащее сердце.

Как ты можешь так говорить?..

Благодаря лечению я осталась жива! Ты сам давал деньги, лишь бы вытащить меня с того света. Оплачивал операции, консультации, нахождение в клинике… Потратил целое состояние, чтобы меня отвоевать из лап смерти, а теперь смеешь такое говорить.

Сглатываю вставший в горле ком. Грудную клетку сжимает спазмом.

Не могу вдохнуть.

– Папа! Папа приехал! – на кухню, словно два урагана, влетают Алена и Ваня. В моих футболках и носках до колен, взъерошенные и заспанные, они похожи на домовят.

Милые такие… Нежные… Так и хочется обнять.

Но вместо этого я сижу в полнейшем ступоре и стараюсь переварить услышанное, ведь Даня прав. Я не могу иметь детей и матерью никогда не стану.

Аленка обнимает отца, Ванечка встает рядом. Покровский разворачивается, обнимает ребятню в ответ. Смотрит на своих наследников.

– В чем это вы? – хмурится, разглядывая внешний вид своих детей. Ему он явно не нравится.

– Я дала, – произношу до того, как детки успевают рот открыть. – Их одежда была промокшей насквозь. Выбора не было, – поясняю, максимально сдерживая разъедающую сердце боль.

Даня сейчас заберет малышей, и я их больше никогда не увижу. Сердце от этой мысли начинает еще сильнее болеть.

Покровский одаривает меня суровым взглядом и никак не комментирует. Вместо этого он раскладывает кашу по тарелкам и кормит своих детей.

Чтобы лишний раз не попадаться ему на глаза, выхожу из кухни. Снимаю с сушилки детское белье, раскладываю на диване. Как позавтракают, оденутся и уедут.

Я снова останусь одна.

Не понимаю причину ужасного настроение Дани. Вчера он был не таким, как сегодня. Добрым и внимательным, даже нежным.

А сейчас…

Создается такое впечатление, будто ночью его собаки покусали. Или клопы.

– Я приготовила одежду, – говорю, возвращаясь на кухню.

Малышня, доедая кашу одаривает меня хитрющим взглядом, а я едва могу сдержать слезы. Не хочу расставаться с ним и все тут.

– Пап, мы хотим тут поиграть, – вдруг ни с того, ни с сего заявляет Ваня.

– Одевайтесь! – Даня бросает в мою сторону предупреждающий взгляд. Мол, молчи! – Мы едем домой, – рявкает строго.

Молчу. Я не готова вступать с ним в перепалку.

Между нами все давно сказано и прожито. Он не для меня, я не для него и на этом, пожалуй, точка.

Надо просто научиться жить, не ища с ним встреч.

– Можно Олю с собой возьмем? – с мольбой во взгляде просит Аленка.

Маленькая девочка складывает ладошки вместе и подносит их к лицу, слегка потряхивает.

Мое сердце вот–вот разорвется на части.

– Нельзя, – сурово отвечает отец.

Он даже не смотрит на меня. Делает вид, будто я не существую.

Покровский, ты совсем очерствел?

Сухарь!

– Пап, она будет нашей няней, – решительно заявляет мальчонка.

Ванечка упрямо топает ножкой и всем своим видом показывает, что не согласен с решением отца.

– От другой мы сбежим! – заявляет с жаром.

– Как сбежали от нынешней няни? – недобро уточняет Даня.

– Нет! – пылко говорит Аленка. – От нее мы не сбежали. Это она нас бросила! Оставила одних на площадке, а сама пошла в магазин.

– Мы замерзли, – добавляет Ваня. – Кушать хотели, а няня не приходила к нам.

– Подошли дяди, стали спрашивать, кто наш папа и мы сбежали, – продолжает Алена. – Ваня у них даже что-то стащил, – стреляет взглядом в брата.

Чем больше слушаю их рассказ, тем сильнее мне становится не по себе. Это ж каким местом надо было думать, чтобы бросить маленьких детей!

– Что ты у них взял? – голосом, лишенным эмоций, спрашивает Даня.

– Сейчас, – отвечает мальчонка и уносится в комнату. Когда возвращается, то протягивает отцу нечто, напоминающее флешку. – Вот это, – говорит гордо. – Она выпала из кармана у дяди, я ее поднял и мы убежали.

У меня все внутренности покрываются льдом от рассказа детей. Если бы я вчера знала истинное положение вещей, то даже разговаривать с полицейскими не стала. Сразу б Ярославу набрала.

– А она нас спасла, – Ваня показывает на меня.

Не дышу. Не шевелюсь.

Воздуха мало.

Маленькие мои… Что ж вы пережили…

Кошмар!

– Оля нам будет мамой, – пробивая брешь в сердце, говорит малышка.

Сглатываю.

– Оль, – не отрывая от меня пламенного взгляда, говорит бывший муж моей сестры.

Покровский смотрит на меня в упор, и я впервые в жизни вижу в его глазах страх. Он переживает.

– У тебя нет вариантов, – заявляет, сбрасывая с себя всю спесь.

Глава 10. Даня

Бессонная ночь сказывается не самым лучшим образом, настроение на нуле, бесит ВСЕ. Тело болит, словно я спал не на раскладном диване, а на жестком полу. Чувствую себя, как старый дед. Веду, похоже, так же.

Бурчу, недовольно соплю и не могу удержать в узде свой гнев, так и норовлю сказать Оле какую-то гадость. Мне так и хочется побольнее ее задеть.

Я словно первоклассник, хочу подергать девушку за косички и сделать вид, будто это не я. Довести ее до белого каления и потом успокоить.

Меня раздирают противоречивые чувства, от обилия эмоций начинает штормить. Они словно с цепи сорвались и решили сбить с ног. Накрыть разом.

Проворочавшись на неудобном диване, я всю ночь не мог сомкнуть глаз. Только вот думал не о найденных детях, а о девушке, что спит с ними рядом.

– Детвора, вы пристегнулись? – спрашиваю, бросая взгляд в зеркало заднего вида.

– Да! – прилетает задорное в ответ. На автомате высматриваю свою малышню и отпускаю контроль, лишь убедившись во всем лично.

– Оля? Ты? – перевожу внимание на сидящую рядом девушку, замечаю её растерянный взгляд и ухмыляюсь.

Горе луковое! Как она вообще столько лет прожила без меня? Вечно же попадает во всякого рода истории.

– А у меня не получается, – признается, расстроенно поджимая дрожащие губы.

Дергает на себя ремень, но тот не поддается. Раздается щелчок, ремень оказывается заблокирован.

Видимо, снова заклинил механизм, так случалось уже несколько раз.

Или это Оленька со своим потрясающим умением, не прикасаясь, ломать всё вокруг, вновь вывела из строя технику.

Пожалуй, за руль ее лучше никогда не пускать. Опасно не только для нее самой, но и для окружающих.

– Давай помогу, – миролюбиво предлагаю, наклоняясь вперёд.

Не дожидаясь положительного ответа, врываюсь в её личное пространство и тут же жалею об этом.

Мне нельзя так близко к ней быть, все установки ломаются. Я ведь твердо решил, что не стану портить девушке жизнь. Помимо колоссальной разницы в возрасте, у нас еще есть много нестыковок, на которые не закроешь глаза.

Но я делаю вдох и забываю обо всем на свете.

Оля так пахнет… Голова кругом идёт.

Эмоции забивают голос разума и глушат здравый смысл. Меня до боли в груди тянет ее поцеловать… Впиться губами в ее губы, испить сок.

Отстраняюсь.

Пожалуй, стоило не лениться выйти из машины и разобраться с ремнём стоя, как можно дальше от девушки. Зачем лишний раз искушать судьбу?

Только когда она рядом здравый смысл так и норовит свалить в закат, а инстинкты требуют вновь присвоить её себе. Память живо подкидывает обрывки воспоминаний…

Предатели! Никому нельзя верить.

Всё против меня.

Психуя на самого себя за проявленную слабость, выхожу из авто на свежий воздух, избавляюсь от нежного девичьего запаха Олечки и проветриваю мозги. Изо всех сил борюсь с искушением.

Как мы, блин, под одной крышей будем жить? Разве я смогу не сорваться и выдержать время, пока она будет рядом?

Загадка века.

Открываю дверь, снимаю блокировку с ремня, но, помня свою недавнюю реакцию на девушку, так и не решаюсь донести его до замка, передаю полоску ткани Олечке.

– Теперь тяни, – говорю, ослабляя ремень.

Оля послушно дёргает его вниз, но делает это слишком резко и снова блокирует.

– Ой, – смотрит на меня своими огромными глазами. – Он снова не работает, – дергает ремень.

На заднем пассажирском раздаётся страдальческий вздох.

– Детки, скоро поедем, – обещаю своей ребятне. Ловлю на себе растерянный взгляд Оли и хмурюсь только сильнее.

Не поддаваться эмоциям. Нельзя!

– Может, давай я пересяду назад? – нерешительно предлагает и разворачивается ко мне лицом.

Не успеваю вовремя отреагировать, как Оля, проскользнув между мной и авто, спрыгивает на землю, поскальзывается на укатанном снегу и, схватившись за меня, словно утопающий за соломинку, летит вниз. Я прилетаю на нее сверху.

– Ай, – шипит, трогая голову.

– Где болит? – переключаю все свое внимание на девушку.

Я старательно не думаю про близость наших тел, не смотрю на ее розовые сладкие губки и выкидываю из памяти их сладкий вкус.

Если поддамся соблазну, то мы сегодня до дома так и не доедем.

– Сильно ударилась? – пытаюсь понять уровень боли по зрачкам. Когда больно, то они расширяются.

– Будь на месте мозги, было бы сотрясение, – отвечает, хихикая.

Выдыхаю. Раз шутит, то все не так страшно.

Наверное.

Поднимаюсь сам, помогаю подняться Оле, и под своим тотальным контролем сажаю в авто.

– Оль, как ты до сих пор еще не покалечилась? – спрашиваю, не понимая, почему у этой девушки с ее уровнем везения до сих пор по паре рук и ног. Поразительная удача, если честно!

– Без тебя со мной ничего такого не случается, – фыркает, отворачиваясь.

– Значит, я виноват? – поражаюсь.

– Выходит, что так, – с лукавой улыбкой пожимает плечами.

Сердце в груди делает кульбит.

Зараза! Да что же ты со мной творишь?

Как выдержать эту пытку?

– Ты поедешь здесь, – говорю жестче, чем следует и, предварительно задержав дыхание, наклоняюсь вперед. Застегиваю ремень. Выпрямляюсь. – Вот так гораздо лучше, – заявляю категорично.

– Спасибо, – смущенно благодарит Оля, а у меня бальзам разливается по сердцу от ее ласковых слов.

– Не стоит благодарности, – с напускным равнодушием кидаю ей и возвращаюсь за руль. Трогаю авто с места.

– Папа! Останови! – вдруг кричит Иван.

– Что такое? Что случилось? – спрашиваем с Олей одновременно.

Поворачиваем головы в сторону детей, ударяемся со всей силы лбами.

– Прости, я случайно, – пищит моя невезучая.

– Все нормально, – цежу сквозь плотно стиснутые зубы. Из глаз едва ли не звезды летят.

– Что у тебя случилось? – спрашиваю у Вани и поворачиваюсь к сыну, предварительно убедившись, что больше ни в кого не врежусь.

– Я варежку уронил, – показывает на пол. – Поднимешь?

Глава 11. Даня

К дому подъезжаем спустя два часа. У меня дергается глаз, рука, нога и все на свете.

– Выходим, – объявляю, снимая блокировку с дверей.

Удивительно, но я на кнопку нажимаю с первого раза.

– Ура-а! – радостно кричат дети, буквально вываливаясь из авто, пробегают по гаражу и спустя десять секунд скрываются в доме.

В ушах звенит, вдруг в салоне авто наступает тишина, но как жаль, что это ненадолго.

Дорога до дома для меня вышла бесконечно долгой и мучительной. Помимо соблазна и острого желания забить на здравый смысл, отвести детей в первый попавшейся по дороге детский развлекательный центр и, наконец, нормально поговорить, а еще лучше просто оказаться как можно ближе к Оле и насладиться обществом прелестной девушки, Алена и Ваня словно сорвались с цепи. Они показали себя во всей красе, и теперь я не удивлюсь, если Оля потребует вернуть ее обратно.

Сначала мы искали потерянную варежку, затем собирали с чехла разлитый блеск для губ. Видите ли Алёне стало любопытно, что будет, если она вытащит шарик.

Вытащила. Проверила.

Мне в пору гнать машину в химчистку.

Стоило отъехать на триста метров от подъезда, как Ваня захотел в туалет. Да так, что просто надо вот прямо сейчас.

Следом за ним начала проситься Аленка. Естественно, не сразу.

Ей приспичило обозначить свою острейшую нужду ровно через две минуты после того, как мы выехали на трассу!

Нашел торговый центр. Завез. Спас дочь от разрыва мочевого пузыря, а свою нервную систему от перегрузки.

Поехали дальше.

Ну, а когда Оля с прискорбием сообщила, что ей тоже надо, то я, поражаясь своей выдержке, даже не заорал. Молча остановился у первой попавшейся заправки.

После туалета всем захотелось поесть, затем попить, затем поиграть, потом уже выяснилось, что в колонках звучит не та музыка.

А потом детей начало тошнить…

Пришлось тормозить прямо посреди трассы, в срочном порядке искать пакеты и спасать не только автомобильный салон, но и детскую одежду.

Покровский, стоп. Ты их довёз. В целости и невредимости, между прочим!

Дети дома и в безопасности.

Выдыхаем.

Алена и Ваня - неутомимые проказники, они то и дело чередят, но зачастую детворе всё сходит с рук, ведь дети растут без мамы, и им ее не хватает.

Никто не в силах справиться с характерами моих проказников и найти на них управу. Наказать могу их я один, а дома меня практически не бывает.

Поэтому для них день пройдёт даром, если что-нибудь экстраординарное не учудят. Они словно намеренно изобретают новые проделки, лишь бы оторвать меня от работы и привлечь внимание.

– Даня, – аккуратно, чтобы не потревожить, Олечка еле слышно зовёт меня.

– Давай позже, – прошу её. Я без сил.

Поездка домой окончательно меня вымотала.

– Как скажешь, – все так же тихо говорит, отстегивает ремень безопасности и, ничего не разбив и не поломав, выходит из машины.

Откидываю голову на подлокотник, закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Неужели наша поездка подошла к концу.

Пожалуй, второй такой в ближайшую неделю я не переживу.

“Придётся, Покровский” – ехидно подмечает внутренний голос.

По своей везучести дети очень похожи на Олю. Если б я не знал, что она не их мать, очень сильно в этом засомневался.

Идея найти детям новую няню и отвести Олю к Волкову кажется разумнее с каждой минутой. Чем дольше я об этом думаю, тем больше мне она нравится.

Только вот прав Ванька. Сбегут они от другой.

Моих проказников дольше недели ещё не выдерживала ни одна няня. Даже та, которая хвасталась выдержкой и упрямством.

– Папа, мы кушать хотим, – прямо над ухом начинает канючить сын.

Еще бы! Весь ваш обед остался где-то в урне по дороге домой. Вы так сильно требовали вас накормить, то наелись от пуза и не провезли в своих животах еду даже пятиста метров.

– У меня животик урчит, – плаксиво говорит дочь.

Открываю глаза, смотрю на своих двойняшек. Обреченно вздыхаю.

– Сейчас, – терпеливо произношу и заставляю себя выйти из машины.

Конечно, можно было бы попросить Олю приготовить еду, но у меня здесь газ. Учитывая её “везучесть”, она скорее спалит весь дом дотла, чем разогреет суп на плите, и придется нам жарить остатки продуктов прямо на обугленных головешках от дома.

Домработницу сегодня отпустил, её всю неделю не будет. Она заболела.

– Переодевайтесь, мойте руки, – бросаю им дежурные фразы. – Я сейчас.

Дети уходят, я бреду за ними следом.

Захожу в дом и с удивлением понимаю, что за те пять минут, пока меня не было, его не разнесли.

Поразительное везение.

– Даня, я нашла в холодильнике суп, – из кухни выходит Оля. В фартуке на три размера больше и с половником в руках она выглядит очень мило. И опасно.

– Ты включила газовую плиту? – поражаясь, спрашиваю у нее. Я был уверен, что Олечка ничего подобного сделать не сможет.

– Д-да, – слабо кивает. – А что? Нельзя было? – взволнованно тараторит и без лишних слов отходит в сторону.

Забив на обувь и не снятую верхнюю одежду, влетаю на кухню, с бешено колотящимся сердцем проверяю плиту и… пораженный перевожу взгляд на Олю.

– Даже суп не спалила? – удивленно выгибаю бровь.

– Покровский, ты совсем из меня беспомощную-то не делай, – фыркает.

– Папа! Почему ты в куртке? – возмущенно ахает Аленка.

– И в обуви! – добавляет Иван.

– Нам нельзя, а тебе можно? – куксятся.

– Ваш папа хотел всех нас спасти, – смеясь, утихомиривает разбушевавшуюся детвору Олечка. – Он сейчас обязательно переоденется, разуется и помоет после себя мокрой тряпкой пол, – заверяет детей. Те, словно завороженные, кивают. – Вы же покажете ему, где лежит тряпка?

– Конечно! Мы все знаем где лежит! – активно заверяют ее.

– Умнички, – говорит и взъерошивает их волосы.

Смотрю на своих, умиляюсь, а после до меня начинает доходить…

Я? Полы? Мыть их тряпкой?

Оля, на что ты меня подписала?!

Глава 12. Оля

– Ты уволена! – в динамике телефона раздается гневный голос начальницы.

Так и хочется сказать: “И почему я не удивлена? “

Она спит и видит, лишь бы выставить меня с работы, а на мою должность взять свою племянницу. Только без меня всё развалится, потому что племянница не разберётся в придуманной мною схеме. А новую составить у неё не хватит ни опыта, ни терпения, ни мозгов.

– Я заболела, – шепчу, старательно изображая осиплость голоса. Иначе никто не поверит в мою болезнь, даже если я принесу больничный.

У нас в офисе привыкли видеть меня на рабочем месте нон-стопом. А тут бац, и меня резко нет.

Начальница у меня весьма своенравная, и мне пришлось насочинять ей с три короба, лишь бы рассказ походил на правду.

Я сказала, будто вчера по дороге домой очень сильно замёрзла, а к утру у меня поднялась температура и пропал голос. Даже покашляла несколько раз.

Понимаю, что поступила некрасиво, но другого выхода у меня не было. Это был единственный шанс сохранить за собой должность.

Доказать, что я не болею, у нее не выйдет. Мой друг Слава обязательно пойдет навстречу и откроет больничный, а вот что касается потери работы… Не хочу рисковать.

Покровский не надежный. Ему верить себе дороже, я уже однажды обожглась и слишком хорошо помню, как потом было больно. До сих пор не пришла в себя, хоть прошло уже порядка пяти лет.

Я помогу Дане с детьми. Отказать в моей ситуации будет верхом цинизма, ведь когда мне потребовалась помощь, он, никому ничего не сказав, взял и пришёл.

Если б не деньги Покровского, я вряд ли выкарабкалась тогда. Болезнь долго не отступала.

Даня вместе с Лерой боролись за меня до конца.

Я бесконечно благодарна ему, и именно поэтому не смогла отказать, когда он сказал собираться. Ему нужно помочь с детками.

Но я твёрдо решила, что останусь рядом ровно до тех пор, пока он не подберет для своих детей подходящую няню. Как только смогу убедиться в правильном выборе, то мне придется уйти.

От одной мысли становится дурно.

Аленка и Ванечка слишком быстро пробрались в мое сердце и слишком глубоко засели, чувства к ним придется вырывать с корнем. Будет ужасно больно.

Не факт, что смогу пережить.

– Оль, смотри! У меня варежка! – Аленка восторженно показывает на нечто несуразное, что слепила из пластилина.

Присматриваюсь. Как по мне, фигурка в руках малышки больше похожа на носок, чем на предмет одежды, но я тактично молчу.

– Очень красивая, – хвалю лучезарно улыбающуюся девочку.

Варежка, так варежка. Не важно.

Главное, Алёна сделала это сама.

– А у тебя что? – с интересом поворачиваюсь к Ванюше. Смотрю на его творчество и с трудом сдерживаю смешок.

– Снеговик! – гордо произносит мальчонка.

На доске для лепки друг на друге стоят три покосившихся шарика. Они больше всего походят на подтаявшее мороженное, им бы рожок вниз приделать и вообще будет не отличить.

Но Ваня твёрдо убежден, что сделал снеговика.

– Где снеговик? – в столу подходит Даня. – Это? – смотрит на поделку сына с явным недоумением. – А где нос? Почему голова наклонена? – засыпает сына вопросами, на которые у него, естественно, ответов нет. Ваня теряется.

Незаметно для детворы, но довольно ощутимо толкаю его в бок. Пусть только попробует ещё хоть как-то прокомментировать! Покусаю.

И я не шучу.

– Ванечка очень старался, – говорю, старательно стреляя убийственным взглядом в Покровского. Пусть лучше язык прикусит и помолчит. – Красивый снеговичок, правда, Ален?

– Да, – кивает малышка, но Ваня всё равно сидит насупившись. Ему нужна похвала от отца.

– В каком месте? – тихо, чтобы дети не слышали, спрашивает у меня Даня, наклонившись над самым ухом.

– В том самом, – кидаю, стараясь не попадаться детям на глаза. – Скажи ведь, снеговик вышел отличный, – еще раз стреляю в Покровского взглядом. Показываю ему на сына.

Даня, ну же, посмотри на Ваню и пойми, как сильно мальчику нужно от тебя доброе слово.

– Хорошо, что пластилин белый, а не коричневый. С коричневым вышло бы более эпично, – бросает мне на ухо смешок.

Его дыхание щекочет и опаляет одновременно. Мне становится жарко и вместе с тем невыносимо сладко, хочется продолжения.

Тело истосковалось по любви и ласке… Да оно и не знало никого кроме Дани.

Так вышло, что я ни одного другого мужчину так и не смогла к себе подпустить.

Вместо того, чтобы вскипеть и донести до мужчины, что он не прав, я превращаюсь в подтаявшую карамель в его руках.

Резко подскакиваю на стуле и по отскочившему в сторону Покровскому понимаю, что едва снова не заехала ему в нос. Сажусь назад.

Ешечки-матрешечки… Такими темпами Даня разработает реакцию на все сто, ему ни на секунду нельзя расслабляться рядом со мной.

– Детвора! – сбрасывая с себя наваждение, хлопаю в ладоши и со второй попытки поднимаюсь с дивана. – Слепим снеговика? – копируя интонацию из всеми любимого мультика, обвожу ребят хитрющим взглядом.

– Да! – задорно подпрыгивая на месте, верещат они.

– Нет, – отрезает Покровский.

Разворачиваюсь на сто восемьдесят, ставлю руки в боки и смотрю ему прямо в глаза.

Вспомнив анекдот про тюбетейку, хихикаю. А затем возвращаю на лицо серьезность.

– Да, – говорю тоном, не терпящим возражения.

– Кто пообещал, тот и лепит, – Покровский, нависая надо мной, победоносно сверкает глазами. Он не хочет уступать.

Ну что же… Его право.

– Тогда, кто остается дома, тот готовит ужин, – парирую.

Вижу растерянность в глазах мужчины и едва ли не прыгаю от счастья. То-то же! Будешь у меня знать.

Полы помыл, сейчас ещё и ужин приготовит. Мечта, а не мужик!

Сверлим друг друга пылающим взглядом, в глазах у каждого из нас бушует огонь.

Не представляю, как мы сможем не спалить этот дом за те две недели, что будем рядом.

Понятия не имею, как буду жить снова одна после всего этого…

Радует одно. Это будет потом.

Глава 13. Даня

Оказывается, играть с детьми вовсе не скучно, а очень даже весело. Давно я так не смеялся, аж щеки болят.

– На тебе! – задорно кричит Аленка и кидает в Ивана снежок. Он ловко уворачивается от летящего прямо на него шара, падает вниз, а снег вместо Вани прилетает мне прямо в лоб.

Закрываю глаза, чтобы подтаявший снег туда не попал. Отряхиваюсь.

Стреляю в дочь суровым взглядом, вижу застывший испуг в её глазах и… подняв руки и грозно рыча, как медведь, делаю шаг вперед. Алёнка и Ваня, громко и весело пища, уносятся от меня по сугробам.

Ловлю их, смеюсь. Настроение на высоте, но ноги с непривычки уже начинают мерзнуть.

Валю детвору вниз, кидаю прямо на белоснежный нетронутый сугроб и плюхаюсь рядом с ними сам.

– Пап, надо ангела делать, – со знанием дела заявляет Аленка.

– Лепить? – подозрительно кошусь на дочь. – С лепкой, пожалуй, на сегодня хватит. Вон, снеговик смотри какой красивый получился.

От лежания в сугробе начинают подмерзать не только пальцы на ногах, но и кое-что другое.

– Да нет же, пап, – смеется Ваня. – Снежный ангел делается вот так, – говорит и показывает.

Разводит руки-ноги в разные стороны, сводит обратно и так делает несколько раз. Аленка делает то же самое.

Затем малышня поднимается на ноги и горделиво показывают на свои “шедевры”.

– А мой красивее, – заявляет Аленка и показывает Ване язык.

– Нет, мой! – куксится сын, упрямо топая ногой.

Нужно срочно спасать ситуацию, а то разругаются в пух и прах.

Смотрю на их перепалку, быстро делаю ангела, как только что показали, встаю и киваю на свое творчество.

– Красивее всех мой, – заявляю тоном, не терпящим возражения. – Или вы против? – оставаясь внешне совершенно серьезным, спрашиваю у детей.

Они переглядываются, щурятся недобро и… бросаются со всех ног на меня. Валят в сугроб, закидывают снегом, я вырываюсь, укладываю детвору рядом с собой. Мы хохочем от души, весь двор заливаем смехом и теряем связь со временем.

Я уже успел согреться, настроение на высоте, а детские проказы даже не кажутся банальными и скучными.

Только сейчас начинает доходить, как много всего упустил в жизни детей. Они у меня, оказывается, такие классные! А я и не знал.

– Вы там еще не замерзли? – из дома выглядывает Оля.

Только высовывается на улицу, как тут же посильнее закутывается в свою тоненькую кофточку и крепче прижимает к голове шарф.

Дурёха! В таком виде и на мороз. Мозгов что ли нету?

– Идем, – рычу на нее. – Зайди в дом.

Она бросает на меня весьма красноречивый взгляд, но все-таки скрывается за дверью. То-то же.

Не хватало еще Олю от простуды лечить.

– Детвора, кушать хотите? – спрашиваю у своих непосед.

– Да! – хором отвечают они и спешат в дом. Уверен, детки собираются наперегонки бежать до Оли.

– Раздевайтесь и мойте руки, – даю им указание. – Я сейчас подойду, – обещаю, отходя в сторону.

Дожидаюсь, пока малышня скроется в доме, достаю телефон и набираю номер единственного, кто мне может помочь выяснить, кто именно собирался похитить моих детей.

И каким боком здесь замешана няня.

– Мир, здоров, – приветствую друга.

– Покровский, будешь долго жить, – смеется Одинцов. – Не поверишь, я только что к тебе заходил, но увидел лишь запертую дверь.

– Я дома, – говорю до того, как начнутся лишние вопросы. – Мир, слушай, у меня к тебе дело есть. Приехать сможешь?

– По телефону, как понимаю, не вариант, – констатирует факт.

– Именно так, – в очередной раз радуюсь, что рядом со мной есть человек, способный обходиться без лишних слов.

Понятия не имею, кому потребовалось следить за моими детьми, но я обязательно должен это выяснить. Иначе как я их в детский сад отправлю? Как, в принципе, оставлю без личного присутствия?

Сейчас никому нельзя доверять, любая нанятая мною няня может снова оказаться лишь номинальной, а по факту сдаст моих наследников при первом же удобном случае.

Нет. Так рисковать я не готов.

– Часа через два буду у тебя, – обещает. – Детвору к моему приезду чем-то займи.

– Без проблем, – заверяю его, а сам мыслями тут же возвращаюсь к нежной Оле.

Она ведь не откажет уложить детвору спать, да?

Прощаюсь с Одинцовым, открываю дверь в дом, и в нос ударяет ароматный запах запеченного мяса. Рот тут же наполняется слюной.

– Даня! Ну наконец-то, – из кухни выглядывает розовощекая Оля. Видимо, от готовки ей стало жарко, и поэтому она так раскраснелась. – Мы тебя уже заждались, – сообщает с небольшой укоризной.

– Пап, мы кушать хотим, – следом за ней из кухни высовывается Ванечка.

– У меня уже животик урчит, – Аленка показывает на свой живот.

– Я думал, вы уже давно едите, – искренне удивляюсь.

– А я думала, ты с детьми вместе ужинаешь, – парирует Оля. – Или вы и это делаете не вместе? М? – недобро щурясь, смотрит на меня.

– Да я как-то… – начинаю объяснять банальные вещи.

– Папа дома не кушает, – сдает меня с потрохами Алена. Вот тебе, называется, и дочь.

– Папа нам даже сказки не читает, – делится своей печалью Ваня. – Мы Алису просим. Она нас укладывает спать.

– Алису? – Оля переводит на меня вопросительный взгляд, не понимая, что за девушка живет в нашем доме.

– Колонку, – поясняю и по крайне озадаченному выражению на лице Оли понимаю, что лучше б реально девица с нами жила.

На новость про колонку Олечка отреагировала негативно.

– Детки, вы пока найдите мультики, которые хотите посмотреть, – милым и ласковым голосом обращается к Алене и Ване, но я слишком хорошо знаю Олю, чтобы вестись на ее слова.

Детвора убегает на кухню. Мы остаемся наедине.

– Покровский, – шипит, недобро щурясь. – Можно тебя на пару минут? – спрашивает, а сама, не дождавшись согласия, хватает меня за руку и затаскивает в туалет.

Глава 14. Оля

Как можно быть таким бездушным и черствым! Ну прямо сухарь. Меня бомбит от одной мысли про то, как обращался с детьми Даня.

Да, он их не бил и не обижал, почти не ругал, но внимания и тепла не давал, а это обиднее в три раза.

Это же дети! Кровинушка твоя. Им нужны любовь и ласка, с ними нужно проводить время и радоваться каждому дню, а не прятаться с утра до ночи на работе и откупаться дорогими подарками.

Детям деньги не важны. Им нужен человек такой, какой он есть.

Подарки - это второстепенно.

– Оль, пойдем, покажу твою комнату, – после ужина Даня обращается ко мне.

На протяжении всего вечера мы не сказали друг другу ни слова, перепалка в туалете вышла довольно-таки жесткая, и я до сих пор не пришла в себя.

Покровский умеет заставлять замолчать человека.

– Я буду спать с детьми, – заявляю тоном, не терпящим возражения. Пусть хоть на протяжении того времени, пока я рядом, они будут жить в любви и заботе.

– Ты будешь спать там, где я скажу, – отрезает, злясь.

Останавливаюсь. Разворачиваюсь. Сверлю его глазами.

– Или что? – провокационно спрашиваю и вопросительно выгибаю бровь. – Заставишь?

Его взгляд пылает.

– Оля, ты играешь с огнем, – предупреждает намеренно низким и сдержанным тоном.

– Ты тоже, – отрезаю.

Я уже не та наивная девочка, которую можно взять и вычеркнуть из своей жизни, я другая теперь. И Покровскому нужно это принять.

Пока поздно не стало.

– Дети растут слишком быстро, и ты даже глазом моргнуть не успеешь, как станешь для них неинтересным, – говорю открыто. – Если ты этого не понимаешь, то настоящий дурак!

– Ты нигде головой случайно не ударялась? – недобро щурится Покровский. Это он так намекает на мою слишком пылкую и смелую речь.

Даня не привык, когда ему указывают на его промахи. Ну что же… Пусть теперь привыкает!

– Дань, разве можно так бесценно упускать детство? – смотрю на него с печалью в глазах. – Ты так сильно хотел детей, а теперь что? Они тебе даром не нужны? Неужели не видишь, как сильно им нужен?

В глазах Покровского виднеется тщательно спрятанная боль. И страх.

Неужели он боится стать плохим отцом и поэтому так паршиво ведет себя по отношению к детям?

– Оль, ты будешь спать в своей комнате, – резко переводит тему на деловой лад.

Вместо того, чтобы разобраться в проблеме, он ее избегает.

– Почему? – упрямо требую ответ. – Я могу спать Аленой и Ваней в одной комнате, мне не сложно.

– Не можешь, – продолжает стоять на своем.

Упертый баран!

– Почему? – спрашиваю с плохо скрываемым раздражением. – Я им хоть сказку на ночь прочитаю, поговорю. А если приснится страшный сон, то…

– Им не снятся страшные сны, – отрезает.

Покровский поднимает меня на второй этаж, открывает дверь в спальню, и я с тоской смотрю на пустую комнату.

Помимо минимального набора мебели здесь ничего нет. Комната обезличена, пространство выглядит нежилым, пусть и очень приличным. Оставаться внутри нет никакого желания.

Поворачиваюсь к Дане лицом и хочу высказать все, что думаю по этому поводу, как вдруг раздается звонок в дом.

– Ты кого-то ждешь? – удивленно уточняю.

– Да, – кивает. Бросает взгляд в сторону детской. – На первый этаж не ходить, – громким строгим голосом обращается к детям.

– Не будем, – из-за закрытой двери прилетает приглушенный ответ.

– Ты тоже, – сверлит меня недобрым взглядом.

– Да больно надо! – фыркаю и, открыв дверь в спальню детей, скрываюсь в комнате.

В груди все пылает.

Индюк! Вот кто он!

Едва успеваю перевести дух, как вдруг замечаю царящий в спальне бедлам и хаос. В ужасе озираюсь по сторонам, и идея спать где угодно, но лишь бы не здесь, уже не кажется такой бредовой, как несколькими минутами раньше.

– Оля! Ты к нам? – на меня с надеждой смотрят две пары одинаковых глаз.

– Э-э-э, – мешкаюсь с ответом.

Подобного бардака я не ожидала.

– Это что? – поднимаю с пола нечто похожее на огрызок от яблока. Смотрю на детей.

– Это не я! – скрещивая руки на груди, говорит Алена.

– И не я! – пылко восклицает Иван.

Детвора сидит и, насупившись, смотрит на меня. Они как два взъерошенных котенка.

– Значит, папа? – высказываю дикое недоумение. – Ну, тогда пойду-ка я его сюда приведу и заставлю навести порядок, – заверяю детей. – Думаю, он живо расскажет, зачем припрятал огрызки. Наверное, на черный день, – продолжаю свой монолог.

Аленка и Ваня переглядываются друг с другом, фыркают и начинают хохотать.

– Ночью в темноте придет и будет хрустеть ими, – добавляю.

Детки смеются уже в голос.

– Оль, не надо папу, – чуть успокоившись просит Аленка. – Мы все уберем, – обещает, а сама то и дело косится на брата.

– Вань? – пристально смотрю на него.

– Это не я! – продолжает упрямиться.

– Это тоже не ты? – достаю из-под подушки пакет с фантиками, Ванечка видит обнаруженную мной заначку и обиженно надувает губы.

– Я, – говорит, хлюпая носом.

– Значит так, детвора, – поочередно смотрю на каждого из них. – В комнате должен быть порядок, – твердо говорю им. – Никакой еды, никакого мусора, никаких фантиков. Вы понимаете, что у вас в комнате могут завестись не только мыши, но и пауки, клопы и даже тараканы?

– Тараканы? – брезгливо морщит носик Аленка.

– А я их не боюсь! – пылко заверяет Ваня.

– Днем я их тоже не боюсь, – вру, не поведя бровью.

Боюсь, еще как! Я вообще трусишка по жизни. Но детворе об этом знать не обязательно.

– Только вот тараканы ночью тоже не спят, – заговорщицким шепотом говорю детворе. – Они ползают везде, – вожу пальцами, типа хожу. – Забираются на кровать, ползают там, затем залезают под пижаму к маленьким малышам, а потом ползут в нос и уши!

На последних словах делаю резкий шаг вперед, повышаю голос и совершаю выпад рукой в сторону детворы.

– А-а-а! – визжат они от испуга.

Не в силах сдержаться, начинаю хохотать. Все-таки детки, такие детки.

– Давайте порядок наводить, пока у вас живность не завелась, – пересиливая смех, обращаюсь к ним.

– А спать? – округляет глаза Ваня.

– Мне страшно, – признается Аленка.

– Правильно, страшно, – ухмыляюсь. – В таком бардаке очень страшно жить. Я вам еще про других насекомых не рассказала, – подмигиваю игриво.

Детки еще раз переглядываются, бросают все свои дела и принимаются за уборку.

То-то же!

Глава 15. Даня

– У твоих всё в порядке? – интересуется Славка, с подозрением косясь на потолок. Над нашими головами то и дело раздаются грохот и топот.

Сделать детскую над своим кабинетом было моей фатальной ошибкой, но кто ж знал, что оно так пойдет. Когда все задумывалось, я понятия не имел, какими громкими могут быть мои дети.

Тише них даже, блин, ураган.

– Да, – отвечаю, а сам думаю: “Нет”.

Только вот как бы ни хотелось броситься на помощь Оле, я не собираюсь этого делать. Сама заварила кашу, пусть теперь сама ее и расхлебывает.

Она вся такая из себя умница-разумница, красавица, отличница. Балует детей, не задумываясь о последствиях, а меня заставляет по струнке ходить. Выставляет черствым, бездушным сухарем в глазах наследников. Роботом, блин!

Коль уж решила потакать прихотям детей и посадить их к себе на шею. Так пожалуйста! Сажай и потакай.

Только меня потом нечего звать и просить вмешаться, потому что дети не слушаются. С таким подходом совсем скоро она с ними не сможет справляться и тогда поймет, кто из нас был не прав. Аленка и Ваня - те ещё непоседы и шпанята, они тонко чувствуют, когда можно баловаться, а когда нет.

Со мной дети уяснили, что шуток не будет, и если отец говорит успокоиться, то нужно реально быть спокойным. Слушаться.

Но появляется Оля, и все летит в тартарары. Она им разрешает практически всё, не строит и идет на поводу прихотей.

Детвора скоро сядет на шею, свесит ножки и будет крутить ее головой. Я принципиально вмешиваться не стану.

Пусть сама последствия своих действий расхлебывает!

– В порядке? – ухмыляется Бессонов. – Что-то я не слышу уверенности в твоих словах, – вновь поднимает взгляд вверх, там потолок того и гляди обвалится на нас от топота сверху. – Ты уверен в женщине, которая с твоими двойняшками? Она, случаем, не связывает их? Может собирается пытать? – ухмыляется с щитовидным прищуром.

– Там Оля, – нехотя признаюсь. Не хотел говорить, но разве от Бессонова что-то скроешь?

– Какая Оля? – спрашивает друг. На его лице застыло крайне любопытное выражение.

– Та самая, – не спешу признавать собственное фиаско.

Я намеревался никогда в жизни не пересекаться с ней. Олечка слишком мне дорога, чтобы я вновь сорвался.

Нежная, хрупкая, но вместе с тем стойкая девушка перевернула мой мир с ног на голову, заставила иначе посмотреть на жизнь. После встречи с ней я сильно изменился.

– Какая? – щурится недобро.

В голосе друга предупреждение и едва сдерживаемый гнев.

Да, да… Я всё знаю сам. Я ублюдок.

– Сестра Леры, – отвечаю ему.

– Наверное, ты хотел сказать младшая сестра твоей бывшей жены, на здоровье которой ты потратил половину своего состояния и ни слова никому не сказал? Та, ради чьих показаний твоя бывшая выкрала свою беременную сестру, которая едва не погибла в родах? – заваливает вопросами, плохо скрывая свой гнев.

Как же я понимаю его…

– Та, у кого врачи взяли… – гневно цежу сквозь стиснутые зубы я.

– Молчи! – друг резко останавливает меня. – Еще слово и я тебе вмажу, – предупреждает, выставляя вперёд раскрытую ладонь.

Бессонова кроет не по-детски.

– Она уехала от тебя, – рычит, злясь. – Сбежала, чтоб не попадаться тебе на глаза! – вскипает.

Бессонов вне себя от гнева.

– Знаю, – признаюсь.

Вспоминаю наш последний перед расставанием разговор, и грудную клетку разрывает на части от боли. Олечка… Надеюсь когда-нибудь ты сможешь меня понять.

Простить – нет. Но понять должна попытаться.

Делаю глубокий вдох, беру эмоции под контроль и заставляю себя абстрагироваться от чувств к молодой девушке.

Мы не пара. Никогда ею не могли стать.

То, что было между нами, случайность.

Досадная ошибка, испортившая Олечке жизнь и заставившая меня навсегда перестать смотреть на других женщин. Ни в одной из них я больше не вижу свет, что идёт от самого сердца. Ни одна из них ничего бескорыстно не сделает. Ни одна!

А другого после общения с Олей, оказывается, мне и не надо.

– Слав, сейчас ты не прав, – произношу, внешне оставаясь совершенно спокойным, хоть внутри вот-вот случится атомный взрыв.

Крепко сжимаю и медленно разжимаю кулаки, дышу через раз. Мне срочно нужно куда-то деть бушующий в груди ураган, пока он не разорвал меня на части.

– Оля случайно нашла Алёнку и Ивана, – отрезаю, не желая впадать в дискуссию. – По сути, она их спасла, – признаюсь. – А с учётом всего происходящего вокруг, никого другого я к ним не подпущу. Сам понимаешь.

– Может, проще охрану приставить? – спрашивает, лукаво ухмыляясь.

Прекрасно понимаю, на что именно намекает друг, но нет. Я не стану отпускать Олю.

– Насчет охраны вопрос решён, – заявляю официально. – О безопасности можно даже не париться, все под контролем. Одинцов займётся этим лично, ему, сам знаешь, как никому можно доверить жизнь детей.

– Ну, раз Мир решил взять быка за рога, – смеётся Бессонов. – Надо брать.

– Пока он не нашёл свою половину и не свернул охранный бизнес, как Макс Майоров? – ухмыляюсь, давая понять, куда Славка клонит.

– Если б он один такой был, – отмахивается от укола в адрес общего друга. – Так что пока Мир один, пользуйся этим по полной. Потому что потом ты его потеряешь.

– Да брось, – отмахиваюсь.

– Вот увидишь, – говорит многозначительным тоном.

Вдруг раздается стук в дверь, она слегка приоткрывается и на пороге с виноватым видом появляется Олечка.

Глава 16. Оля

– Слава? Что ты здесь делаешь? – находясь в диком недоумении, смотрю на старого знакомого. Помимо того, что он является адвокатом Покровского, Бессонов еще плотно работает с Ярославом Волковым, мужем моей сестры.

– Сижу, – отшучивается, а в глазах нет ни толики смеха. Он серьезен, как никогда. – А вот что делаешь здесь ты, Оля? – спрашивает строгим голосом и смотрит таким взглядом, будто отчитывает маленького ребенка за проделки.

Бессонов не рад моему появлению в этом доме и даже не собирается этого скрывать.

– Стою, – отвечаю ему в его же манере. Краем глаза успеваю поймать игривую усмешку у Дани на губах.

Слава сверлит меня недобрым взглядом.

В памяти всплывает наш разговор после судебного заседания и настроение портится еще сильнее.

Я как сейчас помню свое состояние, когда Златку заключили под стражу, мою мать бросил отец, а Покровскиймне наговорил гадостей. Даня заявил, что наши отношения были ошибкой и нам нельзя быть вместе.

Сказал, что мне нужен другой.

Я чувствовала себя сломленной и разбитой. Не представляла, как жить после этого, но именно в этот момент мы случайно встретились с Бессоновым. Он увидел, как сильно мне больно, выслушал, помог советом, а еще четко дал понять, что я должна уехать из своего города.

Мне нужно начать новую жизнь вдали от родных.

Потом, когда внутри все переболело и перегорело, я смогла более здравомысляще взглянуть на ситуацию. Вот тогда-то я и поняла, как прав был Слава.

Он меня спас.

Сейчас же, стоя на пороге кабинета и смотря в глаза влиятельному мудрому мужчине, я вновь ощущаю себя глупой малолеткой, которая в очередной раз творит дичь.

– Оль, что случилось? – Покровский перебивает наш со Славой молчаливый диалог.

Отмираю.

– Поднимись, пожалуйста, наверх, – прошу его.

На негнущихся ногах разворачиваюсь и выскакиваю из кабинета, что есть мочи несусь на второй этаж к детям.

– Убираетесь? – спрашиваю с милой улыбкой на лице.

– Ага, – кивают синхронно.

– Тумбочку не трогали, – уточняю.

– Не-а, – одновременно говорят.

– Я тут такую же штуку нашел, – Ваня показывает за спинку своей кровати. Подхожу к нему, перегибаюсь и свечу фонариком.

Вдоль позвоночника пробегает холодок.

– Детки, вы ведь хотели попить, – выпрямившись, обращаюсь к ним.

Встречаюсь встревоженным взглядом с подошедшим Покровским, он хмурится и не понимает, для чего я его позвала.

– Можно сок? – спрашивают с блеском в глазах.

– Можно, – твердо киваю. Мне нужно, чтобы они немедленно ушли из комнаты, а еще лучше, с этажа.

– Что тут у вас происходит? – следом за Покровским в детскую заглядывает Бессонов. Он как всегда не может остаться в стороне.

– Слав, отведи детвору на кухню, пожалуйста, – прошу. Внутри все дрожит.

– Нам Оля сок обещала! – гордо заявляет Аленка.

– Апельсиновый! – добавляет Ванечка.

– Оль? – Слава вопросительно выгибает бровь.

– Пожалуйста, – прошу одними губами и складываю ладони вместе, словно молю.

Бессонов смотрит на меня, на детей и качает головой.

– Детвора, идем, – говорит, ухмыляясь. – Вы б хоть в соседней комнате уединились, – смеясь, кидает перед тем, как уйти.

Краснею до кончиков волос от его последнего комментария.

– В голову не бери, – отмахивается от неудачной шутки Покровский.

– Бери в рот, – выдаю до того, как успеваю подумать, и тут же прикусываю себя за язык. – Прости, – произношу, отворачиваясь. Мне стыдно так, что я не в силах посмотреть в глаза Дане.

Хочу провалиться сквозь землю после сказанных слов.

– Для чего ты меня звала? – спрашивает, словно я ничего не сказала.

Собираюсь с силами и поворачиваюсь к нему.

– У твоих детей в комнате был дикий бардак, – вновь начинаю его отчитывать. Понятия не имею, зачем я это делаю, ведь через две недели меня здесь не будет, но промолчать не могу.

Ваня и Алена слишком глубоко засели в моем сердце, малыши мне не чужие. Я переживаю за них.

– Ты хоть иногда к ним заглядывал? - щурюсь недобро. В груди буря.

Я не понимаю, как можно быть таким безразличным к своим детям? Это же настоящий кошмар!

–Ты вырвала меня из кабинета, чтобы в очередной раз отчитать? – звереет Покровский.

Кажется, я еще никогда прежде не видела его таким злым.

– Нет, – мой напор мигом слабеет.

Подхожу к тумбочке, открываю верхний ящик, достаю его и вытряхиваю все игрушки. Переворачиваю вверх дном и показываю на неприметную черную пипку, прикрепленную к задней стенке.

– Смотри, – киваю на подслушивающее устройство. – Твоих рук дело? – вопросительно выгибаю бровь.

– Нет, – отрезает.

По суровому выражению лица сразу видно, что Даня не врет.

Выдыхаю.

Раз к “жучкам” он не имеет никакого отношения, то еще не все потеряно. Я-то уж боялась, будто Даня таким образом интересуется жизнью детей.

Ставлю ящик на пол.

– Иди сюда, – беру Покровского за руку и тащу к кровати Ванечки, показываю еще одну “пипку” там.

– Сколько еще нашла? – спрашивает голосом, лишенным эмоций.

Показываю три пальца. Не хочу вслух произносить, а то ведь поймут.

Набравшись храбрости, подхожу вплотную к Дане, встаю на носочки и вытягиваюсь таким образом, чтобы его ухо оказалось около моих губ.

– В той комнате, которую ты мне выделил, их пять, - шепчу еле слышно. – В твоей спальне не нашла ни одной.

– Ты и туда успела наведаться? – интересуется ехидно.

Смотрит на меня пристально, а груди разгорается жар. Смущаясь, опускаю глаза вниз, хлопаю ресницами.

Хочу отступить. Наша близость невыносима, ведь я так и не смогла забыть его даже через несколько лет.

Но вот только Даня не позволяет этого сделать.

Одной рукой он удерживает меня за талию, приобнимает. А второй бережно, словно я самый хрупкий на свете цветок, приподнимает за подбородок и вынуждает посмотреть прямо в глаза.

– Оль, – его голос наполнен болью.

– Что? – выдыхаю.

– Спасибо, – говорит еле слышно. Наклоняется ниже, касается своим лбом моего.

Застыли. Молчим.

Наши губы в миллиметре друг от друга, его дыхание опаляет мою нежную кожу, тело жаждет прикосновений.

Так и хочется податься вперед.

Глава 17. Даня

– Мир, нам однозначно нужно найти тварь, что начала на меня охоту, – хожу из угла в угол. Я зол до неимоверности и не представляю, что с этим делать, как минимум, самое время идти с этим в зал.

Конечно, можно выпустить пар иначе, но кто ж мне позволит.

Олечка скорее оглушит меня скалкой несколько раз подряд.

Можно забить на все и доехать до Ирочки, но от одной мысли начинает корежить внутри. Вроде бы ничего никому не обещал, а все же неприятненько.

Как потом в глаза Оле смотреть?

– Найдем, не переживай, – заверяет друг, выдергивая меня из неприятных мыслей.

– Если бы все было так просто, – ухмыляется Бессонов. – Ты вообще все на свете проморгал! – ржет.

Одному мне, блин, не до смеха.

– Сначала няня пропадает сквозь землю, затем моих детей пытаются похитить, – перечисляю явные косяки Одинцова. – А потом в моем доме обнаруживаются “жучки”!

Резко останавливаюсь, смотрю пристально на друга.

– Вот скажи, какой толк мне от тебя, если ты проморгал такую опасность? – требую ответа на свой вопрос. В груди клокочет настоящая буря.

Одинцов одаряет меня суровым взглядом. Он явно не доволен моим наездом, ну тут уж придется потерпеть. Сам виноват в том, что все так вышло.

Желваки у друга ходят ходуном.

– Подобные вещи не случаются на ровном месте, Дань, – озвучивает очевидное сквозь плотно сжатые зубы.

– Словно я без тебя не в курсе, – ухмыляюсь.

Психую.

Сейчас, когда Оля находится так близко и моим детям угрожает опасность, мои нервы натянуты, словно струна. Я остро реагирую на любой негатив в их сторону и данный выпад не оставлю без внимания.

Мы обязательно найдем инициатора, организатора и всех причастных. Для этого потребуется время, но уж куда без него.

Плохо лишь то, что мои эмоции так и норовят выскочить из-под контроля, а как вопрос касается детворы или Оли, то вообще едва контролирую себя.

Адреналин бушует в крови. Зашкаливает.

Мне срочно требуется перезагрузка.

– Есть идеи кто может за этим стоять? – спрашивает Одинцов. Он прожигает меня своим пристальным взглядом, а я понятия не имею, что ответить ему.

Проблем в бизнесе нет. Никаких терок ни с контрагентами, ни с правоохранительными органами. Врагов тоже, по сути, у меня нет.

Ничего явного, о чем стоило волноваться.

– Понятия не имею, – признаюсь, разводя руки в разные стороны. – У меня в мозгах нет ни единого предположения.

– А если подумать? – как-то слишком ехидно спрашивает Бессонов.

Косится в телефон.

– Говори, – давлю на него.

Бессонов лишь ухмыляется.

– Теряешь хватку, друг, – щурится, явно забавляясь ситуацией.

Закипаю.

– Кто? – рычу.

Славка нарочно медленно поворачивает экран смартфона и держит его так, чтобы я мог видеть текст. Вчитываюсь.

Чем больше погружаюсь в смысл, тем сильнее становится не по себе.

– Почему я не в курсе, что ее выпустили? – охреневая от новостей, смотрю на Одинцова.

– Кого? – не понимает он.

– Жену мою бывшую! – рявкаю. – Златку!

– Злата на свободе? – за моей спиной раздается тихий голос.

Меня словно ошпаривает кипятком.

Разворачиваюсь и смотрю в наполненные животным ужасом глаза Олечки. Она стоит бледная, как простыня.

– Оля, – как можно скорее сокращаю расстояние между нами. – Стой, – ловлю за руку до того, как она успеет убежать от меня.

Дергаю на себя, прижимаю.

– Олечка, успокойся, – прошу ее.

Смотрю в наполненные страхом глаза, впитываю его, пропускаю через себя и пытаюсь заставить Олю прожить этот миг. Понять, что она никогда больше не будет одна.

Вечером, когда Олечка показала мне обнаруженные прослушивающие устройства, я едва не сорвался и не поцеловал ее.

Она хотела. Я это видел.

А как страстно я сам этого желал!

Одному лишь мне известно, каких усилий стоило удержаться от дичайшего соблазна. Олечка… Моя сладкая девочка… Если коснусь тебя, то точно не остановлюсь.

– Успокоиться? – вспыхивая от негодования, смотрит на меня, а сама вся дрожит.

Крепче стискиваю ее в своих объятиях.

– Моя шизанутая сестра на свободе, а я не знаю об этом! – шипит, едва сдерживая злость. – Ты в своем уме? Почему не сказал, что она вышла?

Олечка паникует, и я, как никто другой, понимаю ее. Мне до боли в ладонях хочется ей помочь, только вот как это сделать банально не представляю.

Златка умна, хитра и непредсказуема. К тому же после выхода из спецучреждения она забросит поддерживающее ее психику лечение и снова начнет жестить.

Я не могу оставить без присмотра ни Олю, ни двойняшек.

– Я не знал, – чеканю, пытаясь донести до нее, но у Оли истерика. Она вне себя от страха.

– Я доверяла тебе! Поддержала тебя! Лера едва не потеряла ребенка! – кидает в меня обвинения. – Она каждого из нас достанет из-под земли и уничтожит. Спляшет на костях.

– Не говори ерунды, – прошу. – Злата не идиотка.

– Тебе только так кажется, – шепчет.

Глаза полные слез пробивают брешь в обороне, и все мои жизненные установки разбиваются на сотни мелких осколков, без шанса на восстановление. Разочарование в голосе ударяет в самое сердце и выжигает его изнутри. Милая моя, как бы я хотел не подвергать тебя такому сильному риску…

Эмоции давят. Душат меня.

Не могу.

Наклоняюсь вперед. Касаюсь ее губ своими.

Не сдерживаюсь.

Целую.

Глава 18. Оля

Он меня поцеловал. А я ответила. Как же нам было сладко!

Мамочки… Что я творю?

Прячу пылающее лицо в ладонях, закрываю глаза. В груди слишком быстро бьется окрыленное сердце.

Нельзя ему верить, ведь потом опять будет больно. Даня мне четко дал понять, что я для него всего лишь младшая сестра его бывшей жены, больше ничего.

Но вот только разве сердцу прикажешь?

Если бы не Бессонов, то неизвестно куда наш поцелуй мог зайти. Когда Покровский так близко, то я теряю силу воли и здравый смысл улетает в трубу. Рядом с ним я превращаюсь в податливую мягкую куклу, с которой можно делать всё, что заблагорассудится.

Увы, но это печальный для меня факт, и его нужно просто признать. Даня слишком много для меня значит.

Меня спасает лишь твердая решимость уйти от него через две недели и больше никогда не встречаться. Я уеду, плечу, уплыву. Сделаю все, лишь бы оказаться как можно дальше.

– Детки, доброе утро, – произношу, заходя в детскую, включаю рассеянный тусклый свет и легкую музыку.

Пусть у малышей будет комфортное медленное пробуждение.

– Вам пора в детский садик, – ласково улыбаюсь.

– Хочу спать, – заявляет Аленка и накрывается одеялом.

– Не пойду в сад, – бурчит Ванечка и забирается с головой под подушку.

Смотрю на детей, а в груди щемит. Такие они… Глаз не оторвать!

Забились каждый в свой угол, спрятались от меня и продолжают сладко посапывать. Ни свет, ни музыка не помеха для сна.

Вот и как их будить? Не понимаю.

– Вам обязательно нужно сегодня пойти в сад, – уговариваю крепко спящих детей.

Смотрю на них и понимаю, самостоятельно они не встанут.

Тормошу Ваню, Аленку, но реакции ноль. Словно куклу бужу, а не ребенка.

Настолько ли обязательно их отводить? Может быть можно остаться и никуда не ехать?

Дома безопасно. После вчерашней находки Даня вызвал своих людей, и те прошерстили каждую комнату от и до. Помимо обнаруженных мною прослушивающих устройств, они нашли ещё штук десять в разных комнатах.

Удивительно, но ни в кабинете, ни в спальне Дани ни одного “жучка” не было.

– Так сильно хотите спать? – спрашиваю, понимая, насколько я порой мягкотелая.

Мне так жалко их будить, кто б знал как!

Смотрю на часы. Семь пятнадцать. Если промедлить ещё хотя бы пять минут, то мы встанем в пробку и опоздаем.

Приходить позже вообще не вариант.

Делаю глубокий вдох и принимаю решение. Улыбаюсь.

Даня меня прибьёт!

Выключаю музыку и свет, укрываю своих малышей и бесшумно выхожу из детской.

– Спите.

Спускаюсь на кухню, ставлю чайник, и пока он греется, шарю по полкам в поисках круп для каши.

Если сейчас приготовлю завтрак, то как детки проснутся, смогу их накормить, а дальше мы всяко найдем, чем заняться.

Погруженная в свои мысли, тихонько напеваю понравившуюся мелодию, пританцовываю и помешиваю кашу, чтобы не пригорела. Настроение у меня слишком шкодливое, улыбка не сходит с губ.

Покровский точно прокомментирует мое самоуправство с детьми. Он ведь вчера достаточно твердо сказал, чтобы я отвезла их в детский сад.

А я не стала.

– Оля? Ты дома? – суровый голос Даниила раздается за моей спиной.

Замираю. Разворачиваюсь.

На пороге кухни стоит Покровский, и по его лицу видно, как сильно мужчина зол. Он даже не думает скрывать своих эмоций.

– Где дети? – спрашивает, скрежеща зубами, и сверлит меня гневным взглядом.

Сердце ухает в пятки. Становится не по себе.

Я вдруг четко понимаю, что сделала что-то непозволительное.

– Спят, – отвечаю, переставляя на соседнюю конфорку ковш с кашей. – Я не смогла их разбудить, они вчера слишком поздно уснули.

– И ты решила оставить их дома, – договаривает за меня. Он очень зол.

– Да, – твердо киваю, не поддаваясь его эмоциям.

Я права и точка!

От прогула одного дня в детском саду ничего не случится, а вот если дети не выспятся, то потом возникнет масса проблем. Банальная психосоматика в легкую может подключиться.

Смотрю на Покровского и пытаюсь уловить хоть толику нежности к себе, но ничего не получается. Вместо этого меня сбивает с ног исходящий от него негатив.

– Дань, что происходит? – смотрю на него и делаю шаг вперед. Затем еще и еще.

Подхожу к мужчине вплотную.

Мне кажется, я слышу, как быстро бьется его сердце. Оно вот-вот выскочит из груди.

Или это мое?

Я уже ничего не различаю…

Не отрывая взгляда, изучаю его. Пытаюсь понять, почему вечно сдержанный и рассудительный Даниил вдруг стал дико раздраженным и практически неуправляемым.

– Что случилось? – спрашиваю, нежно обращаясь к нему.

Осторожно, лишь бы не разрушить ту хрупкую нить, что установилась между нами, опускаю раскрытую ладонь ему на щеку. Большим пальцем нежно поглаживаю шершавую кожу.

– Ты можешь мне сказать, – шепчу. Я, словно завороженная, смотрю в его глаза и не могу насмотреться.

Из его груди вырывается расслабленный выдох, он чуть наклоняет голову вбок, кладет ее на мою руку и прикрывает глаза.

Не отрывая от меня глаз, трется о тыльную сторону ладони и делает медленный глубокий вдох.

Негатив улетает.

– Оль, ты даже не представляешь, что натворила сейчас, – говорит тихим, полным боли голосом.

– Случится беда, если детвора прогуляет сад? – вопросительно выгибаю бровь и чуть заметно улыбаюсь.

– Случится беда, если кого-то из вас увидит здесь Златка, – отвечает.

Не успеваю отреагировать на его слова, как раздается звонок в дверь.

– Это она, – произносит сурово.

Охранник открывает дверь и на пороге дома появляется моя сестра. Златка.

– Папа! Мама! Мы проснулись! – Алена и Ваня, радостно щебеча, спрыгивают с лестницы и бегут к нам.

– Ну, здравствуй, бывший муж! – ехидно смотрит на нас. – Оля, какая встреча. Ты ведь рада меня видеть, сестренка? – щурится.

Глава 19. Даниил

Не скрывая ненависти, смотрю на свою бывшую жену и инстинктивно закрываю своей спиной от ее взгляда семью. Олечку и двойняшек.

– Забери детей и идите наверх, – не сводя пристального взгляда с бывшей, обращаюсь к Оле.

От Златки можно ожидать чего угодно, она непредсказуема и опасна. Но радует, что на этот раз я хотя бы могу ее переиграть.

Потому что научился ее предугадывать.

– Хорошо, – дрожащим от страха голосом, шепчет Оля.

Девочка моя… Я так старался избежать вашей встречи, так не хотел подвергать тебя опасности и вновь ставить под удар. Но ты все сделала по-своему.

Вчера вечером, когда были найдены и уничтожены все “жучки”, я знал, что Злата припрётся в мой дом. Именно поэтому Оля должна была этим утром отвести детей в детский сад, но по пути туда у них сломалась бы машина и они вынуждены были пойти к ней на квартиру.

Там, где Златка их точно бы не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.